

Николай Кузнецов

## ПРОЗРЕНИЕ

ИМЯ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА НИКОЛАЯ ГЕРАСИМОВИЧА КУЗНЕЦОВА ДОРОГО ВОЛОГЖАНАМ, СЫН КРЕСТЬЯНИНА ИЗ ГЛУХОЙ ДЕРЕВНИ, ПРОСТОЙ МАТРОС СТАЛ КОМАНДИРОМ КРЕЙСЕРА, КОМАНДУЮЩИМ ФЛОТОМ, НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ, КОГДА ОН ВОЗГЛАВИЛ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЕМУ БЫЛО 35 ЛЕТ.

А В 52 ГОДА ОН ОКАЗАЛСЯ В ОТСТАВКЕ «БЕЗ ПРАВА РАБОТАТЬ ВО ФЛОТЕ»: СЛЕДСТВИЕ СФАБРИКОВАННОГО ПРОТИВ НЕГО НЕЛЕПОГО ОБВИНЕНИЯ. НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ СТАЛ ПИСАТЬ ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КНИГИ. ОСОБО БОЛЬШОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ПОЛЬЗУЕТСЯ ОДНА ИЗ НИХ — «НАКАНУНЕ». В ВОЕНИЗДАТЕ ГОТОВИТСЯ ТРЕТЬЕ ЕЕ ИЗДАНИЕ, В КОТОРОЕ ВКЛЮЧЕНЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА АВТОРА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ЗАПРЕЩЕННАЯ ПРЕЖДЕ ГЛАВА «ПРОЗРЕНИЕ», КОТОРУЮ МЫ ПЕРЕПЕЧАТЫВАЕМ ИЗ ЖУРНАЛА

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу. Но такими вещами не шутят. Весть подтвердили другие, и все равно она не укладывалась в голову. Я вспоминал беседы с Владимиром Митрофановичем Орловым, все, что знал о нем. Были у него свои слабости, недостатки, но чтобы такой человек изменил Родине!?

А товарищи рассказывали все о новых арестах. На Черном море были арестованы Н. Моралев, А. Зельинг, А. Рублевский... Я считал их честными советскими командирами, все силы отдавшими флоту. В них я до сих пор не сомневался. Как же так!

— Если ошибка — разберутся, — успокоил меня товарищ, с которым я осторожно поделился своим недоумением.

И я принял тогда эту удобную формулу, еще глубоко не задумываясь над происходящим. Но теперь, во Владивостоке, когда арестовывали людей, мне подчиненных, за которых я отвечал, успокаивать себя тем, что где-то разберутся, я уже не мог. Было непонятно и другое — как арестовывают людей, даже не поставив в известность командующего? Я высказал свои мысли члену Военного совета Я. В. Волкову. Оказалось, он лучше осведомлен о происходящем. Значит, мне не доверяют, что ли!

Некоторое время я еще терпел. Но в феврале 1938 года прокатилась новая волна арестов. Опять я узнавал о них уже задним числом. Как-то позвонил командант береговой обороны А. Б. Елисеев, спросил, не знаю ли я, что случилось с командиром артиллерийского дивизиона на острове Русский. Я ничего не знал.

— Три дня не выходит на службу, — сообщил Елисеев. — Видно, арестовали.

Предположение подтвердилось. Тогда я отправил телеграмму в Центральный Комитет партии. Я писал, что считаю неправильной практику местных органов, которые арестовывают командиров без ведома командующего, даже не поставив его в известность о происшедшем. Ответа не получил.

Прошло несколько дней, и ко мне приехал начальник краевого НКВД Диментман.

— Имейте в виду, — сказал он в тоне сердитого внушения, — не всегда надо кого-то извещать, если арестовывают врага народа.

Я ответил, что обращался не к нему, а в Центральный Комитет партии, а это не только мое право, но и обязанность.

Диментман ушел весьма раздраженный, но аресты с этого дня прекратились. Несколько недель все было тихо.

В начале апреля 1938 года мне сообщили, что на Тихий океан выезжает нарком ВМФ П. А. Смирнов. Я уже довольно давно ждал встречи с ним. Надо было доложить о нуждах флота, получить указания по работе в новых условиях. Мы понимали, что реорганизация управления Военно-Морскими Силами связана с большими решениями по флоту. Страна начинала усиленно наращивать свою морскую мощь.

Одновременно с созданием наркомата был создан Главный военный совет ВМФ. В его состав входили А. А. Жданов, П. А. Смирнов, несколько командующих флотами, в том числе и я. Но пока на заседания совета меня не вызывали. В то время поездка с Дальнего Востока в Москву и обратно отнимала не менее двадцати

В ноябре 1937 года командующий Тихоокеанским флотом Г. П. Киреев был вызван в Москву.

Помнится, как я провожал его на вокзале. Давая мне указания, он был несколько рассеян и взволнован. А когда собрались в его вагоне, он показался мне даже печальным. Не с таким настроением обычно выезжали в Москву. Но до Киреева так уже уехали М. В. Викторов и Г. С. Окунов и... не вернулись. Предчувствие не обмануло Киреева. Вскоре до меня дошли слухи, что он арестован.

Я ожидал нового командующего, считая себя еще недостаточно опытным для такого огромного морского театра. В конце декабря получил телеграмму, в которой сообщалось о моем назначении командующим с присвоением очередного звания, и без рассуждений, хотя и с некоторой опаской, занял этот пост. Молодость, избыток сил в какой-то степени компенсировали недостаток опыта.

По мере того как я вникал в обязанности командующего флотом, возникали все новые и новые проблемы. Хлопот и беспокойства было много.

В памяти встали события минувшего года, которым я сразу не придал должного значения. Моя работа в Испании была, очевидно, тому причиной. Издалека все выглядит иначе. Вспомнилось, как главный военный советник Г. М. Штерн вызвал меня из Картахоны в Валенсию. Я вошел к нему в кабинет и не услышал обычных шуток. Григорий Михайлович не сказал даже своего излюбленного «Салуд, амиго», только молча протянул мне телеграмму из Москвы. В ней сообщалось об аресте М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других военачальников. То были люди, стоявшие у руля Вооруженных Сил. Что могло толкнуть их на чудовищные преступления, в которых они обвинялись!

Из арестованных я знал одного Якира, да и то видел лишь однажды, когда он посетил в 1933 году крейсер «Красный Кавказ». Григорий Михайлович Штерн был хорошо знаком со всеми, кто упоминался в телеграмме. Он долгое время работал в Москве, встречался с ними и на службе, и во внеслужебной обстановке. Я видел, что он поражен не менее меня.

Мы были в кабинете вдвоем. Штерн рассказывал о Тухачевском и Якире, которых знал особенно хорошо. Он высоко оценивал их деятельность в годы гражданской войны, их роль в строительстве Вооруженных Сил. Так что же произошло! Штерн только пожимал плечами, но не высказывал никаких сомнений в правильности ареста. Тем меньше мог в этом сомневаться я. Вернувшись в Картахену, я информировал товарищей-добровольцев о телеграмме, прочитанной в Валенсии. Не могли мы себе представить тогда, что никакого преступления не было, что арестованные военачальники — жертвы страшного произвола.

Вернувшись в Москву из Испании, я узнал о новых арестах. В первый день, еще по дороге в наркомат, я встретился на Гоголевском бульваре с К. А. Марацковым. Мы познакомились с ним еще в Испании.

— Куда спешишь? — остановил он меня.

— Да вот, надо доложить своему начальству.

— Если Орлову, то можешь не торопиться; он вчера арестован.

суток. Начальство, видимо, не хотело из-за одного заседания на такой срок отрывать меня от флота. Словом, я считал приезд нового наркома вполне естественным и своевременным, тем более что на Северном флоте и на Балтике он уже побывал. Но все вышло не так, как я предполагал.

— Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, — объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале.

Остановился нарком на квартире члена Военного совета Волкова, с которым они были старинными приятелями. Первый день его пребывания во Владивостоке был занят беседами с начальником НКВД. Я ждал наркома в штабе. Он приехал лишь около полуночи.

— Завтра буду заниматься с Диментманом, — сказал Смирнов в конце разговора и пригласил меня присутствовать.

В назначенный час у меня в кабинете собрались П.А. Смирнов, член Военного совета Я.В. Волков, начальник краевого НКВД Диментман и его заместитель по флоту Иванов. Диментман косо поглядывал на меня и словно перестал замечать. В разговоре он демонстративно обращался только к наркому.

Я впервые увидел, как релались тогда судьбы людей. Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». Это означало: человека можно арестовать. Я в то время еще не имел оснований сомневаться в том, что материалы НКВД достаточно серьезны. Имена, которые назывались, были мне знакомы, но близко узнать этих людей я еще не успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которой давалась санкция.

Вдруг я услышал: «Кузнецов Константин Матвеевич». Это был мой однофамилец и старый знакомый по Черному морю. И тут я впервые подумал об ошибке.

Когда Смирнов взял перо, чтобы наложить роковую визу, я обратился к нему:

— Разрешите доложить, товарищ народный комиссар! Все с удивлением посмотрели на меня, точно я совершаю какой-то странный, недозволенный поступок.

— Я знаю капитана первого ранга Кузнецова много лет и не могу себе представить, чтобы он оказался врагом народа.

Я хотел рассказать об этом человеке, о его службе подробнее, но Смирнов прервал меня:

— Раз командующий сомневается, проверьте еще раз, — сказал он, возвращая лист Диментману.

Тот бросил на меня быстрый недобрый взгляд и прочитал следующую фамилию.

Когда совещание окончилось, я задержался в кабинете. Ко мне заглянул Я. В. Волков. Тонком товарища, умудренного годами, он сказал, как бы предупреждая от новых опрометчивых поступков:

— Заступаться — дело, конечно, благородное, но и ответственное...

Я понял недосказанное. «За это можно и поплатиться», — видимо, предупреждал он.

В следующий вечер, когда процедура получения санкций на аресты продолжалась, Смирнов и Диментман разговаривали подчеркнуто лишь друг с другом и все решали сами.

Прошел еще день. Смирнов посещал корабли во Владивостоке, а вечером опять собрался в моем кабинете.

— На Кузнецова есть еще два показания, — объявил Диментман, едва переступив порог. Он торжествующе посмотрел на меня и подал Смирнову бумажки. Тот сразу же наложил резолюцию, наставительно заметив:

— Враг хитро маскируется. Распознавать его нелегко. А мы не имеем права ротозействовать.

Это звучало как выговор. Скажу честно, он меня смутил. Я подумал, что был не прав. Ведь вина Кузнецова доказана авторитетными органами!

После совещания Волков снова заглянул ко мне. Он говорил покровительственно и вместе с тем ободряюще. Дескать, ошибки бывают у каждого, но впредь надо быть осторожнее и умнее, не бросать слов на ветер.

К. М. Кузнецова арестовали, всех остальных тоже. Их

было немало. Недаром короткое рассмотрение этих «обвинительных» листов потребовало трех вечеров. Я ходил под тяжелым впечатлением арестов. Мучили мысли о том, как это люди, служившие рядом, могли стать заклятыми врагами и почему мы не замечали их перерождения? Что органы государственной безопасности могут действовать неправильно — в голову все еще не приходило. Тем более я не допускал мысли о каких-то необычных путях добывания показаний.

Нарком провел два дня в море, побывал в Ольго-Владимирском районе. В оперативные дела он особенно не вникал. Может быть, ему, человеку, не имевшему специальной морской подготовки, это было и трудно. Зато он очень придирчиво интересовался всюду людьми, «имевшими связи с врагами народа».

Пребывание Смирнова подходило к концу. К сожалению, решить вопросы, которые мы ставили перед ним, он на месте не захотел, приказал подготовить ему материалы в Москву. Я заготовил проекты решений. Смирнов взял их, но ни одна наша просьба так и не была рассмотрена до самого его смещения. На месте нарком решил лишь один вопрос, касавшийся Тихоокеанского флота, но и это решение было не в нашу пользу. Речь шла о крупном соединении тяжелой авиации. Во Владивостоке Смирнов сказал мне, что командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии просит передать это соединение ему. Я решительно возражал, доказывал, что бомбардировщики хорошо отработали взаимодействие с кораблями, а если их отдадут, мы много потеряем в боевой силе. Смирнов заметил, что авиация может взаимодействовать с флотом и будучи подчиненной армии.

— Нет, — возражал я. — То будет уже потерянная для флота авиация.

Я сослался на испанский опыт, показывающий, как важно, чтобы самолеты и корабли были под единым командованием. Все это не приняла в расчет. Приказ был отдан, нам оставалось его выполнять.

Потом Смирнов признался мне, что принял решение потому, что его уговорил маршал Блюхер. Наши «уговоры» на наркома действовали меньше.

В день отъезда П. А. Смирнова мы собрались, чтобы выслушать его замечания. Только успели за стол, опять доложили, что прибыл Диментман.

— Вот показания Кузнецова, — объявил он, обращаясь к Смирнову.

Смирнов пробежал глазами бумажку и передал мне. Там была всего одна фраза, написанная рукой моего однофамильца: «Не считая нужным сопротивляться, признаюсь, что я являюсь врагом народа».

— Узнаете почерк? — спросил Смирнов.

— Узнаю.

— Вы еще недостаточно политически зрелы, — зло сказал нарком.

Я молчал. Диментман не скрывал своего удовольствия. Только Волков пытался как-то сгладить остроту разговора, бросал реплики о том, что комфлот, мол, еще молодой, получил теперь хороший урок и запомнит его, будет лучше разбираться в людях...

Признание Кузнецова совсем выбило у меня почву из-под ног. Теперь я уже не сомневался в его виновности. В дальнейшем, выступая по долгу службы, я придерживался официальной версии, говорил об арестованных, как было принято тогда говорить, как о врагах народа. Но внутри что-то грызло меня...

Забегая вперед, расскажу еще о некоторых событиях, связанных с репрессиями. Через несколько месяцев в Москве был арестован П. А. Смирнов. Вместо него наркомом назначили Н. Н. Фриновского. Никакого отношения к флоту он в прошлом не имел, зато был заместителем Ежова.

Весть об аресте Смирнова принес мне Я. В. Волков. Чувствовал он себя при этом явно неловко, был растерян. Ведь еще недавно Волков подчеркивал свое давнее знакомство и дружбу с наркомом. Я не стал ему об этом напоминать.

Вскоре после того во Владивосток прилетел известный летчик В. К. Коккинали. Он совершил рекордный беспосадочный полет из Москвы на Дальний Восток. Коккинали был моим гостем. Мы быстро и крепко с ним подружились. Тогда во Владивостоке Владимир

Константинович со свойственной ему неутомимой пылкостью интересовался действиями кораблей, был со мной на учениях флота. Когда он собирался домой, мы устроили прощальный ужин. Во Владивосток приехали Г. М. Штерн и П. В. Рычагов. Мы ждали еще члена Военного совета Волкова, а он все не шел. Я позвонил к нему на службу, домой. Сказали, срочно выехал куда-то, обещал скоро быть, да вот до сих пор нет. Пришлось сесть за стол без него.

Ужин был уже в разгаре, когда пришел секретарь Волкова и таинственно попросил меня выйти.

— Волкова арестовали, — тихо сообщил он и виновато опустил голову, словно уже приготовился отвечать за своего начальника.

Такая судьба постигла людей, еще совсем недавно с удивительной легкостью дававших санкции на арест многих командиров.

Уже работая в Москве, я пробовал узнать, что произошло со Смирновым. Мне дали прочитать лишь короткие выдержки из его показаний. Смирнов признавался в том, что, якобы, умышленно избивал флотские кадры. Что тут было правдой — сказать не могу. Больше я о нем ничего не слышал.

Я. В. Волкова я вновь увидел в 1954 году. Он отбыл десять лет в лагерях, находился в ссылке где-то в Сибири. Приехав в Москву, прямо с вокзала пришел ко мне на службу. Я сделал все необходимое для помощи ему. Когда мы поговорили, я попросил Якова Васильевича зайти к моему заместителю по кадрам и оформить нужные документы.

— Какой номер его камеры! — спросил, горько улыбуясь, бывший член Военного совета. Тюремный лексикон ввелся в него за эти годы.

Вновь и вновь возвращаясь к тому, как мы воспринимали эти репрессии в свое время. Проще всего сказать: «Я ничего не знал, полностью верил высокому начальству». Так и было в первое время. Но чем больше становилось жертв, тем сильнее мучили сомнения. Вера в непогрешимость органов, которым Сталин так доверял, да и вера в непогрешимость самого Сталина постепенно пропадала. Удары обрушивались на все более близких мне людей, на тех, кого я хорошо знал, в ком был уверен. Г. М. Штерн, Я. В. Смушневич, П. В. Рычагов, И. И. Проскуров. Разве я мог допустить, что и они враги народа!

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

— Штерн оказался подлецом.

Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован.

Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что они поверили в его виновность. Но никто не захотел показать и тени сомнения. Такова уж была тогда обстановка. Про себя, пожалуй, подумали: сегодня его, а завтра, быть может, меня. Но открыто этого сказать было нельзя. Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной Н. А. Вознесенский произнес по адресу Штерна лишь одно слово: «Сволочь!»

Не раз я вспоминал этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г. М. Штерна.

После войны я сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда «суд молчали». Произошло это после надуманного и глупого дела Ключевой и Роскина, обвиненных в том, что они якобы передали за границу секрет лечения рака. Рассказывали, что Сталин в связи с этим сказал:

— Надо посмотреть по другим наркоматам.

И началась кампания поисков «космополитов». Уцепились и за письмо Сталину офицера-изобретателя Алферова. Он сообщал, что руководители прежнего наркомата Военно-Морского Флота [к тому времени объединенного с наркоматом оборонной промышленности] передали англичанам «секрет» изобретенной им парашютной торпеды и секретные карты подходов к нашим портам. И пошла писать губерния! Почтенные люди, носившие высокие воинские звания, всю старались «найти виновных», — так велел Сталин.

Я знал этих людей, знал об их личном мужестве,

проявленном в боях, знал о том, что они безукоризненно выполняли обязанности по службе. Но тут команда была дана, и ничего не могло остановить машину. Под колеса этой машины я попал вместе с тремя заслуженными адмиралами, честно и безупречно прошедшими через войну. Это были В. А. Алафузов, Л. М. Галлер и Г. А. Степанов.

Сперва нас судили «судом чести». Там мы документально доказали, что парашютная торпеда, переданная англичанам в порядке обмена, была уже рассекречена, а карты представляли собой перепечатку переведенных на русский язык старых английских карт. Следовательно, ни о каком преступлении не могло быть и речи. Я лично докладывал об этом И. С. Юмашеву — тогдашнему главнокомандующему Военно-Морским Флотом и Н. А. Булганину — первому заместителю Сталина по наркомату Вооруженных Сил. Оба только пожимали плечами. Вмешаться они не захотели, хотя и могли.

Вопреки явным фактам политработник Н. М. Кулаков произнес на «суде чести» грозную обвинительную речь, доказывая, что нет кары, которой мы бы не заслужили. Помню, как после этого «суда» я сказал своим товарищам по несчастью:

— Сейчас ничего не сделать. Законы логики просто не действуют.

Оставалось лишь мужественно перенести беду. А беда только начиналась. Сталину так доложили о «деле», что он распорядился передать всех нас суду Военной коллегии Верховного суда. А там не шутят.

Четыре советских адмирала оказались на скамье подсудимых в здании на Никольской улице. И теперь, проходя мимо этого дома, я не могу не взглянуть с тяжелым чувством на окна с решетками, за которыми мы ждали тогда приговора.

Председатель Военной коллегии Ульрих знал, чего требуют от него, и не особенно заботился, как это обосновать приговор.

Лично с Ульрихом я знаком не был, но много раз видел его на различных заседаниях. Сидя в приемных или в зале Большого Кремлевского дворца, где проходили сессии Верховного Совета СССР, я не раз наблюдал за ним. Невысокого роста, с небольшими подстриженными усиками, красными щеками и слащавой улыбкой, Ульрих никак не походил на человека, выносившего суровые приговоры. Напротив, он слылся человеком добрым, словесотливым и доступным. Но это только казалось...

За короткой судебной процедурой последовал долгий мучительный перерыв. Около трех часов ночи объявили приговор: В. А. Алафузов и Г. А. Степанов были осуждены на десять лет каждый, Л. М. Галлер — на четыре года. Я был снижен в звании «на три сверху», — как говорили моряки, то есть до контр-адмирала.

Во время суда для меня было страдно лишь одно — сведение подсудимых. Никто не пытался свалить «вину» на другого, облегчить свою участь за счет товарищей. Так старался держать себя и я. Мне на суде была как будто предложена лезвеейка.

— Вы не давали письменного разрешения на передачу торпеды! — задали мне вопрос.

— Если разрешение дал начальник штаба, значит, имелось мое согласие. Таков был порядок в наркомате, — заявил я.

Впоследствии все, привлекающиеся к суду по этому делу, были полностью реабилитированы. А. А. Чепцов [генерал-лейтенант юстиции], страпавший в свое время обвинительный материал для Военной коллегии, в 1953 году обратился ко мне за советом, как лучше обосновать нашу невиновность. Я ему ответил:

— Как закрутил, так и раскручивай.

Реабилитация была полная, но не все осужденные на том процессе дождались ее. Лев Михайлович Галлер, один из организаторов нашего Военно-Морского Флота, отдавший ему всю свою жизнь, так и умер в тюрьме.

То, что пришлось пережить нам, — было лишь одним из многих трагических случаев, порожденных грубым нарушением законности в период культа личности Сталина. И этот случай — отнюдь еще не самый трагический. Произвол, ломавший судьбы людей, наносил тяжелый ущерб всему нашему делу, ослаблял могущество нашей социалистической Родины. Одно неотделимо от другого.



## ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

НЕМНОГО БЫЛО СВИДЕТЕЛЕЙ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ГИТЛЕРА. НЕМНОГИЕ ИЗ НИХ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ. ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ — ЕГО ЛИЧНАЯ СЕКРЕТАРША, ТРАУДЛЬ ЮНГЕ, КОТОРОЙ ГИТЛЕР ПРОДИКТОВАЛ СВОЮ ПОСЛЕДнюю ВОЛЮ. ЕЕ КНИГА «ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ ИЗ БУНКЕРА», ОТРЫВОК ИЗ КОТОРОЙ МЫ ВАМ ПРЕДЛАГАЕМ, — ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ, ПОЛОЖИВШИЙ КОНЕЦ ФАНТАСТИЧЕСКИМ ЛЕГЕНДАМ О БЕГСТВЕ ФЮРЕРА ИЗ ОКРУЖЕННОГО СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ БЕРЛИНА.

День 30 апреля 1945 года, день, в который Гитлер вместе с Евой Браун покончил жизнь самоубийством, начался, как и все предшествующие дни. Время тянулось медленно. Мы обедали с Гитлером. Разговоры за столом шли те же, что и вчера, позавчера и в другие дни. Пир во время чумы, под маской безмятежного покоя... Бункер фюрера представлял собой часть подземного комплекса, оборудованного под старой и новой Рейхсканцеляриями. Бетонная плита толщиной в пять метров прикрывала бункер от авиабомб и артиллерийских снарядов.

Каждый вечер, в час ужина, нас регулярно навещала вражеская авиация. Собственно, поэтому нам и приходилось есть в маленькой столовой в бункере, в обществе фюрера.

Чтобы попасть в столовую, приходилось проходить через кухню его личной квартиры и идти дальше по длинному коридору, кончавшемуся бронированной дверью, за которой начинался еще один коридор, куда выходили комнаты техслужб, ординарцев. За третьей бронированной дверью была квартира Гитлера. Последний отрезок коридора был превращен в зал ожидания. Кирпичный пол был устлан красным ковром. По стенам висели ценные картины, перенесенные сюда из Рейхсканцелярии. По обеим сторонам стояли старинные кресла и стулья. Слева, за прихожей, располагался рабочий кабинет фюрера с обитой красной тканью дверью. Кабинет был небольшой, примерно три на четыре метра; он почти подавлял бедностью мебели и низким потолком. Дверь справа вела в небольшую комнату, смежную с комнатой Евы Браун.

Во время еды мы говорили на отвлекающие темы. Мы, секретари, должны были отвлекать фюрера и выслушивать его нескончаемые монологи. Мы сидели за столом часами. Мы никогда не разговаривали о войне. Он любил занимать нас беседой об овчарках, и особенно о своей — по кличке Блонди. Он знал, однако, что все уже потеряно.

20 апреля 1945 года, в день пятидесятишестилетия фюрера, самые важные сановники рейха пришли поздравить его; они попросили, чтобы Гитлер покинул Берлин и прибыл в группу армий «Юг» в Баварию. Тот категорически отказался.

Я в это время была вместе с другими секретарями в маленьком кабинете. Лицо фюрера было мертвенно бледным. Он молчал. Он был похож на покойника. Мы осмелились переспросить его, действительно ли он хочет остаться в Берлине. «Конечно, я не уеду!» — сказал он. — Я должен ускорить развязку или погибнуть». В последнее время он часто вспоминал о битве при Кунерсдорфе<sup>1</sup>.

Мы онемели от удивления. Впервые он говорил безапелляционным тоном правду, о которой мы давно догадывались: он больше не верил в победу. Он потерял веру...

В последние дни я часто встречала фюрера, бродившего, как привидение, по темным лабиринтам бункера, молча пересекавшего коридоры, входящего в

комнаты. В какие-то мгновения я спрашивала себя, почему он не положит конец всему этому. Теперь было ясно, что ничего уже не спасти. Но в то же время мысль о самоубийстве отталкивала. Первый солдат рейха кончает с собой в то время, как дети сражаются у стен столицы. Я решилась задать ему вопрос: «Мой фюрер, не кажется ли вам, что немецкий народ ждет, чтобы вы встали во главе войск и пали в бою?» «У меня дрожат руки, я едва могу держать пистолет. Если меня ранят, никто из солдат не прикончит меня. А я не хочу попасть в руки русским». Он говорил правду. Его рука дрожала, когда он подносил вилку ко рту; он с трудом поднимался со стула; когда он шел, его ноги тяжело волочились по полу.

Я до сих пор поражаюсь, с каким спокойным фатализмом мы обсуждали за едой самые удобные и наименее мучительные способы самоубийства.

«Самый верный способ», — говорил Гитлер, — вставить ствол пистолета в рот и нажать на спусковой крючок. Череп разлетается в куски, и смерть наступает мгновенно». Ева Браун ужаснулась от такой мысли: «Я хочу, чтобы мое тело было красивым, — запротестовала она, — я лучше отравлюсь». Она вынула из кармана своего элегантного платья маленькую капсулу из желтой меди. В ней был цианид. «Это будет больно!» — спросила она. — Я так боюсь долгой и мучительной агонии. Я приняла решение умереть, но я хочу, чтобы это было по крайней мере без мучений. Гитлер объяснил ей, что смерть от цианида безболезненна. «Она наступает через несколько минут. Нервная и дыхательная система сразу парализуется». Это объяснение побудило фрау Кристиан и меня попросить у фюрера одну из таких капсул. Генрих Гиммлер, министр внутренних дел и глава гестапо, как раз только что принес несколько дюжинок. «Вот капсула для вас, фрау Юнге, — сказал мне Гитлер. — К сожалению, я ничего лучшего не могу предложить вам в качестве прощального подарка».

Самоубийство было основной заботой и Геббельса с его женой Магдой. Они привели в бункер своих пятерых дочерей и маленького сына. Все шестеро детей носили имена, начинающиеся с буквы «Х», потому что на эту же букву начинается по-немецки фамилия Гитлера; детей звали Хельга, Хольде, Хильде, Хайди, Хедда и Хельмут. Они были восхищены, увидев «дядю Адольфа». Бункер наполнился их криками и смехом. Естественно, дети не имели ни малейшего представления о том, что их ждет, а я делала невозможное, чтобы скрыть свою печаль. Я водила их в канцелярию, где они смогли выбрать игрушки и одежду из подарков, присланных Гитлеру на его последний день рождения. Дети по секрету рассказали одному из адъютантов, что скоро они улетят далеко-далеко на самолете. Старшая из девочек, Хельга, добавила: «Нам сделают уколы, чтобы нас не укачало...»

Накануне, 29 апреля 1945 года, я проснулась посреди ночи от суетливого хождения слуг и адъютантов по коридорам и по квартире фюрера. Я сполоснула лицо холодной водой, думая, что это предвещает ночное чаепитие с фюрером. Когда я вошла в его кабинет, он протянул мне руку и спросил: «Вы отдохнули немножко, дитя мое?» Несколько удивленная этим вопросом, я ответила. «Очень хорошо, — сказал Гитлер. — Я сейчас вам кое-что продиктую». Я недоумевала, что же он собирается диктовать мне; я повернулась к столу, на котором стояли восемь бокалов с шампанским. Стали подходить гости: Геббельсы, фрау Кристиан, фрейлейн Манциарли и генерал Кребс.

Я все еще задавала себе вопросы о причине этого собрания, когда Гитлер сказал мне: «Может быть, сразу начнем!»

<sup>1</sup> В 1759 году во время Семилетней войны Фридрих II Великий чуть не был разбит при Кунерсдорфе; спас его только неожиданный поворот в политике России. — Прим. авт.



Мы вышли из его кабинета и направились в конференц-зал. Я уселась за пишущую машинку, когда он сказал мне: «Нет, засенграфируйте то, что я вам скажу, в этом блокноте». И сразу же начал: «Это — мое политическое завещание...» Несколько секунд мои пальцы дрожали. Наконец-то я узнаю то, чего ожидала так в эти последние дни. Может быть, это будет объяснение всех трагических событий! Исповедь! Попытка оправдаться! Человек, который стоял передо мной, человек, который объявлял, что рейх будет стоять тысячу лет, и которому теперь было нечего терять, скажет ли он, наконец, правду, всю правду!

Спокойно, почти как автомат он начал перечислять свои обвинения, свои требования, которые я, как и весь немецкий народ, так хорошо знала, что не было бы ему nikdy повторять их в тысячный раз.

«С того дня, когда я отправился добровольцем на первую мировую войну, я посвятил все мои мысли, все мои деяния и всю мою жизнь любви к моему народу...» В третьем пункте он утверждал, что никогда не хотел войны 1939 года, добавив, что «ее хотели и развязали международные государственные деятели еврейского происхождения или действовавшие в еврейских интересах». Позже он снова повторил: «Пройдут века, но из руин наших городов, из наших исторических памятников возродится заново ненависть к этому народу, который, наконец, сам за нее отвечает: к евреям и к их приспешникам».

На всех следующих листах, независимо от темы, находилось место евреям и их злодеяниям. Это подтверждало для тех, кому потребуется, что в иерархии ненависти Гитлера (в ней было много ступеней, особенно отвращение, которое он испытывал к разложившейся империи Габсбургов) «еврей» стоял решительно на первом месте.

Наибольшие симпатии Гитлер испытывал к Англии: «Я никогда не хотел после первой мировой, губительной войны, чтобы заново разразилась война против Англии или Соединенных Штатов». Гитлер напомнил о своих обещаниях по урегулированию, которые он перередал послу Великобритании за три дня до начала завоевания Польши. Речь шла о проекте урегулирования германо-польского вопроса, об урегулировании, напоминающем то, которое было применено к Саару, под международным контролем (референдум после первой мировой войны). Это предложение не было принято, снова утверждал Гитлер, из-за международной еврейской пропаганды. В следующем абзаце он обвинял эту пропаганду в гибели от голода миллионов арийских детей в Европе и в том, что евреи не понесли за это ответственности. Очевидно, истребление евреев казалось ему слишком дешевой платой.

Дальше Гитлер объяснял причины, по которым он остался в осажденном Берлине, и свою решимость не попасть в руки врага на потеху возбужденным массам, не участвовать «в новом спектакле, поставленном евреями».

Он обратился также к храбрым мужчинам и женщинам, продолжавшим борьбу, поблагодарил их и обязал не прекращать сопротивление до самой смерти.

Затем следовала вторая часть завещания.

Она началась с того, что Гитлер исключил из партии Геринга, дезавуировав все приказы, в которых рейхсмаршал Геринг назначался его преемником; и Гиммлера — за секретные переговоры, которые они вели «с врагом без моего ведома и против моей воли, и за попытку захвата власти, принесшую неисчислимые бедствия стране и народу, не считая их неверности по отношению ко мне...»

Закончив эту часть, Гитлер сказал мне: «Я сейчас продиктую вам мою последнюю волю, мое личное завещание».

«Поскольку в годы битвы, — начал он, — я не имел возможности связать себя браком, я решил сегодня, перед окончанием моей земной жизни, взять в жены ту, которая после долгих лет верной дружбы пришла по своей воле в осажденную столицу с тем, чтобы разделить свою судьбу с моей. Она, по ее собственному желанию, примет смерть вместе со мною как моя супруга. Это возместит нам то, чего мы были ли-

шены вследствие моей преданности службе на благо моего народа.

Все, чем я владею, — если это имеет какую-либо ценность, — переходит к партии, если же партия прекратит свое существование, то — к государству, если же и государство прекратит свое существование, то любое другое решение с моей стороны не имеет смысла.

Мои картины, собранные в моей коллекции, которые я приобретал в течение многих лет, приобретались мною не в личную собственность, но для картинной галереи в моем родном городе Линце на Дунае.

Всем сердцем я желаю, чтобы это завещание было исполнено».

«Напечатайте это в трех экземплярах и присоединитесь к нам».

Голос его поневоле выдавал некоторое нетерпение. Я понимала, что слова, которые он только что сказал, не будут ни перечитаны, ни отредактированы. Мне вспомнилось, как в 1943 году, когда я только начинала работать с ним, он был придирчивым, почти до маниакальности. Самое обычное письмо с поздравлениями какому-нибудь чиновнику кропотливо редактировалось, исправлялось...

Ева Браун тоже написала прощальные письма. Внешне она показывала все ту же спокойную покорность судьбе, ту же безмятежность. Но через какое-то время она подошла ко мне, взяла меня за руку и хриплым, дрожащим голосом сказала: «Фрау Юнге, мне нестерпимо страшно. Хотя бы все это скорее кончилось!»

Для бракосочетания Гитлера с Евой Браун с полубоя был доставлен бывший служащий мэрии. Он задал ритуальные вопросы и объявил Адольфа Гитлера и Еву Браун мужем и женой. Подписывая свидетельство о заключении брака и запись в книге актов гражданского состояния, Ева начала было выводить букву «Б». Тут она опомнилась и исправила свою ошибку, в первый и последний раз в своей жизни подписавшись «Ева Гитлер». Все подняли бокалы. Никто не произнес ни слова. В самом деле, не могли же мы сказать: «Желаем счастья новобрачным».

Утром следующего дня меня нашел Отто Гюнше, адъютант Гитлера, и сказал: «Иди за мной, он хочет попрощаться».

Я поднялась и вышла в коридор. Здесь уже стояли несколько человек. Я увидела, как фюрер, еще более сгорбленный, чем всегда, выходит из комнаты и медленными шагами направляется к нам. Он протянул мне руку. Она была покрыта потом. Он взглянул на меня. Но я чувствовала, что он меня не видит. Казалось, он находится далеко отсюда. Он пробормотал несколько слов, которые я не расслышала. Наступил миг, которого все мы ждали. Я будто бы окаменела, впала в транс, не понимая, что происходит вокруг. Напряжение спало, когда подошла Ева. Она улыбнулась мне, поцеловала меня, обняла за плечи: «Прошу вас, попытайтесь выбраться отсюда. Передайте привет от меня Мюнхену и моей любимой Баварии!» Она снова улыбнулась и подавила рыдание...

Она последовала за фюрером в его комнату. Тяжкая железная дверь закрывалась за ней.

Я убежала, подталкиваемая непреодолимой силой. Я буквально летела по ступенькам лестницы, ведущей в верхнюю часть бункера. На полдороге я вспомнила о детях Геббельсов, брошенных, забытых, которых никто даже не накормил. Но вот и они! Ищут своих родителей или тетю Еву. Я подвела их к круглому столу в конференц-зале. «Идите, дети, я дам вам поесть. У взрослых сегодня столько дел, что не нашлось даже минутки времени для вас», — сказала я им как можно спокойнее. Разговаривая с ними, я приготовила несколько бутербродов. Дети спорили о прочности бункера. Казалось, взрывы доставляют им удовольствие, настолько они были уверены, что находятся в безопасности. Неожиданно раздался сильный звук, так близко, что мы все онемели. Звук пронесся по бункеру. «Точно в цель», — крикнул Хельмут, не подозревая, до какой степени он был прав...

Что-то повлекло меня к пустым комнатам. В самой дальней части бункера, в конце коридора, были открыты двери двух комнат. У тех, кто выносил тела, конечно, были заняты руки, и они не смогли закрыть двери...

На круглом столике, рядом с квадратиком розового шелка, лежал маленький револьвер Евы. На полу, рядом с креслом фрау Гитлер, я увидела желтую металлическую ампулу из-под цианида. Она была похожа на пустой футляр из-под губной помады.

На диване, обитом сине-белой набивной тканью, расплылось большое кровавое пятно. Это была кровь Гитлера. Меня охватило тошнотворное ощущение. Я не могла вынести горького миндального запаха яда. Моя рука инстинктивно потянулась к моей ампуле. Мне хотелось выбросить ее как можно дальше и вырваться из этого ужасного бункера, где прошли сто пять дней моей жизни, дней, полных кошмара. Теперь мне хотелось вдыхать чистый воздух, чувствовать дыхание ветра, слышать шелест деревьев там, наверху. Но свобода, покой, мир—о, как все это было далеко!

Вдруг я почувствовала в себе волну ненависти к мертвому фюреру, бессильную ярость. Я не удивилась, потому что знала, что он собирался бросить нас. Но я не представляла себе, что будет так пусто. Он ушел, и вместе с ним исчез этот магнетический импульс, еще привязывающий нас к жизни.

Я услышала шаги во входном коридоре. Последние

люди, верные рейху, те, кто сжигал тела, возвращались: Геббельс, Берман, Аксманн, Гевель, Гюнше и шофер Кемпка. Я не хотела никого видеть и через проход, засыпанный гравием, прошла в мое убежище в бункере, соседнем с новой канцелярией.

Вдруг распахнулась дверь квартиры Геббельсов, из которой вышли санитарка и человек в белом халате... Они несли деревянные ящики. Я инстинктивно подумала о детях. Судя по размерам ящиков, там были они. Я думала, что мое сердце уже нечувствительно ни к какой боли, но теперь у меня в горле встал ком.

Нужно было выйти из бункера и попытаться бежать... В последний раз прошла я мимо двери в квартиру Гитлера и Евы. На деревянной вешалке висела его серая шинель; наверху были его фуражка с кокардой и перчатки рыжей кожи. Там же был поводок для собаки; он напоминал петлю на виселице. На мгновение я подумала взять перчатки на память, хотя бы одну. Но передумала, не успев еще протянуть руку, не знаю почему.

[«Диалог», № 11, 1990 г.]

## Чудеса да и только

# Зомби—воскресшие мертвецы?

### ● НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ПРИРОДЕ ОДНОГО УДИВИТЕЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Жители маленького гаитянского села были в ужасе: по улице шел Клервиус Нарсиз—тот самый, которого они восемнадцать лет назад положили в свежеструганный деревянный гроб и предали земле. И вот он—постаревший, поседевший, но живой, во плоти! О великий бог! О великий бог Вудун, на нашей улице зомби—воскресший покойник!

Случаев, подобных этому, в истории Гаити не счесть, многие из них описаны исследователями и путешественниками, но объяснения феномену до сих пор не найдено.

Новую гипотезу предложил американский этноботаник Вэйд Дейвис, опубликовавший недавно книгу о зомби.

Дейвис, сравнительно молодой ученый и уже популярный писатель-популяризатор, убежден, что зомби не миф, не галлюцинации, не явления массового психоза и не фокусы, сродни йогаским. Причиной всему он называет вещество тетродотоксин, содержащееся в рыбе, обитающей в местной акватории. Рыба эта известна в Японии, там ее называют «фугу». Блюдо из нее готовят только очень опытные повара. Человек, в организм которого попал тетродотоксин, впадает в состояние, похожее на то, которое бывает под сильным наркотиком. Сам Дейвис, надо сказать, никогда не видел зомби. Но в течение почти двух лет он довольно близко общался с одним гаитянским колдуном, который поведал ему некоторые свои профессиональные секреты. В частности, что рыба «фугу» используется как важная составная часть при приготовлении специального «порошка зомби». Этот порошок давали людям, «нарушившим священные законы бога Вудуна».

Как считают опытные фармацевты, в частности, господин Као из медицинского центра Нью-Йоркского университета, тетродотоксин может привести человека в состояние, близкое к смерти, а иногда к гибели. Кстати, тот же ученый считает, что блюда из «фугу»—причина по крайней мере сотни смертельных случаев отравления в Японии за год.

У жертв, принявших смертельную дозу тетродотоксина, ослабевает дыхание, и вскоре наступает общий паралич. Более слабая доза отравы порождает сход-

ные симптомы, но человек остается жив и даже находится в полном сознании, несмотря на паралич, но, естественно, не может вступать в контакты с другими людьми. После принятия противоядия он поправляется без видимого ущерба здоровью.

Такова в общих чертах фармакологическая гипотеза о природе странного гаитянского феномена. Однако оппоненты Дейвиса считают ее недостаточно убедительной из-за отсутствия экспериментальных данных, подтверждающих верность этого предположения. В качестве ответного аргумента Дейвис привел сообщение [правда, ссылаясь на частную беседу] сотрудника одной из нью-йоркских больниц Леона Ройзина, который давно занимается исследованием воздействия различных лекарств на нервную систему человека и животных. В 1982 году Ройзин проводил опыты на крысах и обезьянах с порошком, который отправил ему Дейвис. Некоторые из животных, принявших с пищей тетродотоксин, впадали в коматозное состояние, оставаясь парализованными в течение суток, но потом поправлялись без каких-либо последствий отравления.

«Очевидно, эффект зомби встречается не так уж часто,—считает Дейвис.—Колдунам Гаити требуется вносить точно определенное количество тетродотоксина, дабы довести жертву до специфического опьянения, но не до смерти. Таким образом, «оживления мертвецов» укрепляют влияние и власть местных колдунов».

Автор гипотезы отмечает, что при приготовлении «порошка зомби» помощники колдунов предпринимают защитные меры: затыкают носы ватой, надевают плотные шапки и одежду из толстой мешковины. Если же ассистенты работают без защитных средств, то им дается противоядие.

Таким образом, согласно гипотезе Дейвиса, «оживший» Клервиус Нарсиз, как и другие зомби,—лишь эпизод в гигантской скрытной работе по укреплению могущества «служителей бога Вудуна» на острове.

Но оппоненты Дейвиса вновь настаивают на проведении экспериментов, в первую очередь фармакологических.

[По материалам зарубежной печати].

# СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Невысокого роста, худощавый, элегантно, почти щегольски одетый — так выглядел мистер Мейхерн, поверенный по судебным делам. Он пользовался репутацией превосходного адвоката. Взгляд серых пронзительных глаз, видевших, казалось, все и вся, явно давал собеседнику понять, что имеет дело с весьма неглупым человеком. С клиентами адвокат разговаривал несколько сухо, однако в тоне его никогда не было недоброжелательности.

Нынешний подопечный Мейхерна обвинялся в преднамеренном убийстве.

— Моя обязанность еще раз напомнить вам, что положение ваше крайне серьезное и помочь себе вы можете лишь в том случае, если будете предельно откровенны.

Леонард Воул, молодой человек лет тридцати трех, к которому были обращены эти слова, сидел безучастным ко всему происходящему, уставившись невидящими глазами перед собой, и прошло некоторое время, прежде чем он медленно перевел взгляд на мистера Мейхерна.

— Я знаю, — заговорил он глухим, прерывающимся голосом, — вы уже предупреждали меня. Но никак не могу поверить, что обвиняюсь в убийстве. К тому же так жестоким и подлым.

Мистер Мейхерн привык верить фактам, ему чужды были эмоции. Он снял пенсне, не спеша протер сначала одно, потом другое стеклышко.

— Ну что ж, мистер Воул, нам придется потрудиться, чтобы выпутать вас из истории. Думаю, все обойдется. Но я должен знать, насколько сильны улики против вас и какой способ защиты будет самым надежным.

Дело никак нельзя было назвать запутанным, и вина подозреваемого казалась настолько очевидной, что ни у кого не должна была бы вызвать сомнений. Ни у кого. Но как раз сейчас появилось сомнение у самого мистера Мейхерна.

— Вы думаете, что я виновен, — продолжал Леонард Воул. — Но, клянусь богом, это не так. Конечно, все против меня. Я словно сетью опутан, как ни повернись — не выбраться. Только я не убивал! Слышите — не убивал!

Вряд ли кто-нибудь в подобной ситуации не стал бы отрицать свою вину. Кому-кому, а мистеру Мейхерну это было хорошо известно. Но, боясь признаться самому себе, он уже не был уверен. В конце концов могло оказаться, что Воул действительно не убивал.

— Да, мистер Воул, против вас все улики. Тем не менее я вам верю. Но вернемся к фактам. Расскажите, как вы познакомились с мисс Эмили Френч.

— Это было на Оксфорд-стрит. Какая-то старая дама переходила улицу. Она несла множество свертков и как раз на середине дороги уронила их. Стала было собирать, едва не угодила под автобус и кое-как добралась до тротуара. Я подобрал свертки, как мог очистил от грязи. На одном из пакетов завязал лопнувшую тесьму и вернул растерявшейся женщине ее добро.

— Не было ли речи о том, что вы спасли ей жизнь?

— Конечно же нет, что вы! Обычное дело. Услуга из вежливости, не больше. Правда, она очень тепло поблагодарила, даже, кажется, похвально отзывалась о моих манерах, которые якобы такая редкость у современной молодежи. Что-то в этом роде, не помню точно. Потом я отправился своей дорогой. Мне и в голову не приходило, что мы с нею когда-нибудь уви-

димся. Но жизнь преподносит нам столько сюрпризов!... В тот же день я встретил ее на ужине у одного моего приятеля. Она сразу вспомнила меня и попросила, чтобы я был ей представлен. Тогда-то я и узнал, что зовут ее Эмили Френч и что живет она в Крикльвуде. Мы немного поговорили. Она, думаю, была из тех, кто быстро проникается симпатией к совершенно незнакомым людям. Ну вот, а потом она сказала, что я непременно должен навестить ее. Я, разумеется, ответил, что с удовольствием зайду как-нибудь, но она заставила назначить день. Мне не очень-то этого хотелось, но отказаться было неудобно, да и невежливо. Мы договорились на субботу, и вскоре она ушла. Приятели рассказывали о ней как о богатой и чрезвычайно эксцентричной особе. От них я узнал, что живет она в большом доме, что у нее одна служанка и целых восемь кошек.

— А что, — спросил мистер Мейхерн, — о том, что она хорошо обеспечена, вам действительно стало известно лишь после ее ухода?

— Если вы думаете, что я специально выспрашивал... — горячо начал оправдываться Воул, но мистер Мейхерн не дал ему договорить:

— Я ничего не думаю. Я лишь пытаюсь представить, какие вопросы могут возникнуть у обвинения. Мисс Френч жила скромно, если не сказать — скудно, и сторонний наблюдатель никогда бы не предположил в ней состоятельную даму. А вы не помните, кто именно сказал вам, что у нее есть деньги?

— Мой приятель, Джордж Гарви.

— Он может это подтвердить!

— Не знаю. Прошло столько времени.

— Вот видите, мистер Воул. А ведь первой задачей обвинения будет доказать, что вы испытывали денежные затруднения, узнали о богатстве этой дамы и стали добиваться знакомства с нею.

— Но это не так!

— Очень многое зависит от памяти вашего приятеля. Помнит ли он о разговоре?

Леонард Воул некоторое время молчал, потом, покачивая головой, сказал тихо, но твердо:

— Не думаю, мистер Мейхерн. К тому же нас слышали несколько человек, и кто-то еще пошутил, что я пытаюсь завоевать сердце богатой старушки.

— Жаль, очень жаль. — Адвокат не скрыл своего разочарования. — Но мне нравится ваша откровенность, мистер Воул. Итак, вы познакомились с мисс Френч. Знакомство не ограничилось одним визитом. Вы продолжали бывать в Крикльвуде. Каковы причины? Почему вдруг вы, молодой симпатичный человек, заядлый спортсмен, имея столько друзей, уделяли так много внимания старой даме, с которой у вас вряд ли могло быть что-то общее?

Леонард Воул долго не мог найти нужных слов.

— А я, честно говоря, и сам толком не знаю. Когда я пришел туда первый раз, она жаловалась на одиночество, просила не забывать ее и так явно выражала свою признательность ко мне, что я, хотя и чувствовал себя неловко, вынужден был пообещать, что приду еще. Да и приятно было сознавать, что я кому-то нужен, что обо мне заботятся и относятся, как к сыну.

Мистер Мейхерн в который раз принялся протирать стекла пенсне, что служило признаком глубокого раздумья.

— Я принимаю ваше объяснение, — проговорил он наконец. — Думаю, психологически это обосновано. Впрочем, у обвинения может быть иное мнение. По-



жалуйста, продолжайте. Когда впервые мисс Френч попросила вас помочь ей вести дела?

— Конечно, не в первый мой приход. При этом она сказала, что мало смыслит в составлении бумаг, беспокоилась о некоторых своих капиталовложениях.

Мистер Мейхерн бросил на Воула быстрый, цепкий взгляд.

— Служанка мисс Френч, Джанет Маккензи, утверждает, что хозяйка ее была женщиной очень разумной, прекрасно знала, как ведутся дела, и сама справлялась с ними. То же говорят и ее банкиры.

— Мне она говорила совсем другое.

Мистер Мейхерн снова взглянул на Воула. Сейчас он больше, чем прежде, верил ему. Он ясно представлял себе эту мисс Френч, чье сердце покорил интересный молодой человек; догадывался, каких усилий стоило ей найти причину, которая заставила бы его бывать в ее доме. Очень возможно, что она разыгрывала полнейшую неосведомленность в денежных делах, просила его помочь — чем не повод? И она наверняка отдавала себе отчет в том, что, подчеркивая таким образом его незаменимость, лишний раз — а для мужчины совсем не лишний — польстит ему. Она была еще достаточно женщиной, чтобы сообразить это. Вероятно, ей также хотелось, чтобы Леонард понял, как она богата. Ведь Эмили Френч, будучи особой с решительным характером и деловым подходом к любым вопросам, всегда платила за все настоящую цену.

Вот о чем успел подумать мистер Мейхерн, глядя на Воула, но ничего не отразилось на его бесстрастном лице.

— Значит, вы вели дела мисс Френч по ее личной просьбе?

— Да.

— Мистер Воул, — адвокат заговорил, голосом выделяя каждое свое слово, — теперь я задам очень серьезный вопрос, и мне необходимо получить абсолютно правдивый ответ. В финансовом отношении ваши дела обстояли неважно: вы, как говорится, были на мели. В то же время именно вы распоряжались всеми бумагами старой дамы, которая, по ее собственным словам, ничего в делах не смыслила. Хоть раз, каким угодно образом, вы использовали в корыстных целях ценные бумаги, находившиеся в ваших руках? Подумайте, прежде чем дадите ответ.

Но Леонард Воул не захотел думать ни минуты:

— Меня не в чем упрекнуть. Все было честно; более того, я всегда старался действовать в интересах мисс Френч.

— Я вижу, вы слишком умны, чтобы лгать в столь серьезном деле.

— Ну, разумеется, — воскликнул Воул. — У меня не было причин убивать ее! Даже если допустить, что я намеренно не прерывал знакомства, рассчитывая получить деньги, то смерть ее значила бы крушение всех моих надежд.

Адвокат вновь принялся протирать пенсне.

— Разве вам неизвестно, мистер Воул, что в оставленном завещании мисс Френч назначает вас единственным своим наследником?

— Что!!

Воул вскочил со стула и уставился на мистера Мейхерна в неприятном изумлении.

Мистер Мейхерн не счел нужным повторить свои слова и лишь кивнул в ответ.

— Вы хотите сказать, что ничего не знали о завещании?

— Говорю вам — нет. Это совершеннейшая неожиданность для меня.

— А если я сообщу вам, что служанка мисс Френч утверждает обратное? Она также заявила, что хозяйка сама наметнула ей, что советовалась с вами по поводу своего намерения.

— Джанет лжет! Она подозрительная и к тому же чертовски ревнивая старуха. При мисс Френч она была чем-то вроде домашнего тирана. Меня она не очень-то жаловала.

— Вы думаете, она способна оклеветать вас?

— Да нет, зачем ей! — Воул выглядел искренне озадаченным.

— Этого я не знаю, — сказал мистер Мейхерн. — Но уж больно она на вас зла.

— Ужасно! Будут говорить, что я добился расположения мисс Френч и вынудил ее написать завещание

в мою пользу, выбрал время, когда она была одна, и... А утром ее нашли мертвой. О, боже, как это ужасно!

— Вы ошибаетесь, Воул, думая, что в доме никого не было, кроме убитой, — прервал его адвокат. — Джанет, как вы помните, ушла в тот вечер раньше обычного: у нее был выходной. Однако в половине десятого ей пришлось вернуться. Джанет вошла в дом с черного хода, поднялась наверх и услышала в гостиной голоса. Один из них принадлежал ее хозяйке, другой — какому-то мужчине.

— Но в половине десятого я... — От бывшего отчаяния Воула не осталось и следа. — В половине десятого! Так я спасен!!!

— Спасены! Что вы имеете в виду? — не понял мистер Мейхерн.

— В это время я был дома. Жена может подтвердить. Примерно без пяти девять я простился с мисс Френч, а уже двадцать минут десятого сел ужинать. Слава богу!

— Так кто же, по-вашему, убил мисс Френч?

— Вор-взломщик, разумеется. Если бы не дурацкая подозрительность Джанет да не ее неприязнь ко мне, полиция не тратила бы на меня время, не шла бы по ложному следу.

— Едва ли это так, — сказал адвокат. — Подумайте сами, мистер Воул. Вы говорите, что в половине десятого были дома, а служанка ясно слышала мужской голос. Вряд ли бы стала мисс Френч разговаривать с грабителем.

— Да, но... — не найдя, что возразить, Воул растерялся. Вскоре, однако, он сумел преодолеть свою слабость. — В любом случае я здесь ни при чем. У меня алиби. Вам непременно нужно увидеться с Ромейн. Она подтвердит мои слова.

— Обязательно, — согласился мистер Мейхерн. — Я хотел сразу же встретиться с вашей женой, но она куда-то уехала из Лондона. Насколько мне известно, мисс Воул возвращается сегодня, и я намерен отправиться к ней, как только мы закончим нашу беседу.

Воул удовлетворенно кивнул: видно было, что теперь он совершенно успокоился.

— Простите мой вопрос, мистер Воул. Вы очень любите жену?

— Конечно.

— А она вас?

— О, Ромейн очень предана мне. Ради меня она готова на все.

Чем больше воодушевлялся Воул, рассказывая о жене, тем беспокойнее становилось на душе у мистера Мейхерна. Можно ли вполне доверять показаниям бесконечно любящей женщины!...

— Кто-нибудь видел, как вы возвращались домой в двадцать минут десятого? Служанка, может быть?

— У нас приходящая служанка, в семь часов она уже кончает работу.

— Не встретили ли вы кого-нибудь на улице?

— Из знакомых никого. Правда, часть пути я проехал на автобусе. Возможно, кондуктор вспомнит меня.

Мистер Мейхерн с сомнением покачал головой.

— Есть ли кто-нибудь, кто мог бы подтвердить свидетельство вашей жены?

— Нет. Но ведь это и не нужно, не так ли?

— Надеюсь, что в этом не будет необходимости.

Мистер Мейхерн поднялся, протянул Воулу руку.

— Несмотря ни на что, я верю в вашу невиновность и надеюсь, нам удастся доказать ее.

Леонард улыбнулся открытой улыбкой.

— Я тоже на это надеюсь. Ведь у меня верное алиби. Мистер Мейхерн ничего не ответил и вышел из комнаты.

Воулы жили в маленьком неказистом домике недалеко от Пэддингтон-грин. Туда и направился мистер Мейхерн.

Дверь ему открыла немолодая грузная женщина, скорее всего, та самая приходящая служанка, о которой говорил Воул.

— Мисс Воул вернулась!

— Да, час назад. Но не знаю, сможет ли она вас принять.

— Думаю, сможет, если вы покажете ей вот это. — И мистер Мейхерн достал свою визитную карточку. Женщина недоверчиво посмотрела на него, вытерла руки о передник и осторожно взяла карточку. Потом закрыла дверь перед самым носом адвоката и оставила его стоять на улице. Через несколько минут она вернулась; что-то едва заметно переменялось в ее отношении к мистеру Мейхерну.

— Входите, пожалуйста.

Вслед за женщиной адвокат прошел в небольшую уютную столовую. Ему навстречу шагнула высокая стройная брюнетка.

— Мистер Мейхерн! Вы, кажется, занимаетесь делом моего мужа. Вы пришли от него! Прошу вас садиться. Когда она заговорила, легкий акцент сразу выдал в ней иностранку. Приглядевшись повнимательней, мистер Мейхерн отметил чуть широковатые скулы, пожалуй, излишнюю бледность, замечательные глаза, характерные движения рук. Во всем ее облике угадывалось что-то чужое, не английское.

— Дорогая миссис Воул, вы не должны предаваться отчаянию, — начал адвокат и осекся: было совершенно очевидно, что миссис Воул и не собиралась отчаиваться. Напротив, она держалась на удивление спокойно. «Странная женщина. Такая невозмутимая, что начинаешь нервничать», — подумалось мистеру Мейхерну. С самой первой минуты встречи с этой женщиной он чувствовал себя неуверенно. Перед ним была загадка, которую ему, как он смутно сознавал, не под силу разгадать.

Мистер Мейхерн передал содержание разговора с Воулом. Она слушала очень внимательно, время от времени кивая головой.

— Значит, — сказала она, когда адвокат кончил свой рассказ, — он хочет, чтобы я подтвердила, что он пришел домой двадцать минут десятого!

— Но ведь он пришел в это время!

— Не в этом дело. Я хочу знать, поверят ли моим словам! Кто-нибудь может их подтвердить?

Мистер Мейхерн растерялся. Настолько быстро ухватить самую суть! Нет, все-таки было в ней нечто, от чего он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Никто, — дал он неутешительный ответ.

Минуту или две Ромейн сидела молча, и с губ ее не сходила странная улыбка. Чему только могла она улыбаться! Чувство тревоги, не покидавшее мистера Мейхерна, усилилось.

— Миссис Воул, я знаю, как вы преданы своему мужу...

— Простите, как вы сказали!

Вопрос этот совсем озадачил беднягу адвоката, и уже с меньшей уверенностью он повторил:

— Вы так преданы своему мужу...

— Это он вам сказал! Ах, до чего же тупы бывают мужчины! — с досадой воскликнула она, резко поднимаясь со стула.

Гроза, которую предчувствовал мистер Мейхерн, разразилась.

— Ненавижу его! Слышите, вы!! Ненавижу! Хотела бы я посмотреть, как его повесят!

Мистер Мейхерн не смог выговорить ни слова. Она приблизилась к нему; голос, вся поза ее дышали гневом.

— Что, если я скажу, что в тот вечер он вернулся не двадцать минут десятого, а двадцать минут одиннадцатого! Что он знал о завещании, потому и решил убить! И сам — сам! — признался мне во всем!! Что, если я все это скажу на суде!

Глаза ее, казалось, насквозь прожигали мистера Мейхерна. Адвокат с большим трудом справился с волнением и ответил как мог твердо: — Вы не можете быть привлечены к даче показаний против мужа. Таков закон.

— Он мне не муж!

В первую минуту Мейхерн подумал, что ослышался.

— Не муж! — повторила она, и наступила долгая пауза... — Я была актрисой в Вене. Была замужем, муж мой жив, но он... в сумасшедшем доме. Как видите, наш брак с Воулом не может быть признан действительным. И теперь я рада этому! — Она с вызовом посмотрела в глаза мистеру Мейхерну.

— Мне бы хотелось услышать от вас только одно, —

мистер Мейхерн вновь был адвокатом Мейхерном, человеком, чуждым эмоциям, — почему вы так настроены против... э., мистера Воула!

— Я не хочу говорить. Пусть это будет моей тайной.

Мистер Мейхерн откашлялся.

— Нет надобности продолжать этот разговор. Я дам вам знать, когда переговорю со своим клиентом.

Бывшая миссис Воул подошла вплотную к мистеру Мейхерну, и он опять совсем близко увидел ее чудесные глаза.

— Скажите откровенно, когда вы шли сюда, вы верили, что он невиновен!

— Да.

— Мне вас очень жаль. — И она снова улыбнулась своей странной улыбкой.

— Я и сейчас верю, — сказал мистер Мейхерн. — Прощайте.

Пока он шел по улице, перед глазами у него стояло лицо Ромейн. Удивительная женщина, непонятная. Опасная женщина!...

Предварительное следствие в полицейском участке шло быстро. Главными свидетелями обвинения были Джанет Маккензи, служанка убитой, и Ромейн Хейлгер, австрийская подданная, женщина, считавшаяся женой Леонарда Воула.

Дело Воула было назначено к судебному разбирательству. Накануне суда мистер Мейхерн получил с шестичасовой почтой письмо. Грязный конверт, дешевая бумага, безграмотные каракули. Прежде чем мистеру Мейхерну стал понятен смысл письма, ему пришлось дважды перечитать его. Если изъять все те выражения, которые делали это послание слишком уж выразительным, а оставшееся перевести на правильный английский, содержание письма свелось бы к следующему: «Дорогой мистер! Вы, кажется, занимаетесь делом этого бедяги. Если хотите узнать кое-что интересного о его иностранке, приходите сегодня в Степни. Там, в доме номер шестнадцать (дом мистера Шоу), спросите мисс Могсон. Захватите с собой двести фунтов».

Снова и снова перенитывал мистер Мейхерн загадочные строчки. Все это могло оказаться розыгрышем, но, поразмыслив, адвокат пришел к выводу, что с ним не шутят. Он также понял, что от него зависит, появится ли у Воула шанс спастись. Последний шанс, ибо только доказательство непорядочности Ромейн Хейлгер могло лишить ее доверия, а следовательно, поставить под сомнение правдивость ее показаний.

И мистер Мейхерн решился...

Долго пришлось ему пробираться по узким улочкам, грязным кварталам, вдыхая тяжкий дух нищеты, прежде чем он отыскал нужный дом — покосившуюся трехэтажную развалюху. Мистер Мейхерн постучал в обитую грязным тряпьем дверь. Никто не отвечал. Лишь после повторного стука послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась — чьи-то глаза осмотрели адвоката с головы до ног, — затем распахнулась, и на пороге появилась женщина.

— А, это ты, — проговорила она хриплым голосом. — Один! Тогда проходи.

Покосившись, мистер Мейхерн вошел в маленькую, очень грязную комнату, освещенную тусклым светом газового рожка. В углу стояла небрунная постель, посередине — грубо сколоченный стол и два ветхих стула. Только немного привыкнув к полумраку, адвокат сумел рассмотреть хозяйку убогого жилища. Это была женщина средних лет, очень сутулая, неряшливо одетая. Неопределенного цвета, давно не чесанные волосы торчали в разные стороны. Лицо до самых глаз было укутано пестрым шарфом. Встретив откровенно любопытный взгляд мистера Мейхерна, женщина издала короткий смешок.

— Ну чего уставился! Удивляешься, почему лицо прячу! Что ж, погляди на мою красоту, коль не боишься, что соблазню.

С этими словами она размотала шарф, и адвокат невольно отшатнулся при виде безобразных алых рубцов на ее левой щеке. Мисс Могсон снова закрыла лицо.

— Как, хочешь поцеловать меня, милашка! Нет! Так я и думала! А ведь когда-то я была прехорошенькая... Знаешь, откуда у меня эти украшения! От купороса, чтоб ему... И она разразилась потоком отвратительных брани.

Наконец она замолчала, успокоилась, и недавнее волнение угадывалось лишь в судорожном движении рук.

— Довольно, — сердито нарушил молчание мистер Мейхерн. — Насколько я понимаю, вы хотите сообщить мне нечто важное по делу Леонарда Воула. Я жду.

Мисс Могсон хитро прищурила глаза.

— А деньги, дорогуша! — прохрипела она. — Двести, как было сказано, и у меня, возможно, кое-что для тебя найдется.

— Что именно!

— Ее письма! Ну что ты на это скажешь! Только, чур, не спрашивать, как они ко мне попали. Двести фунтов, и письма твои.

— Десять, и ни фунтом больше, если письма действительно могут мне понадобиться.

— Что!! Всего десять фунтов!!

— Двадцать, — ледяным тоном проговорил мистер Мейхерн. — Это мое последнее слово.

Адвокат достал из бумажника деньги.

— Хочешь — бери, хочешь — нет. Здесь все, что у меня с собой.

Он видел, что деньги неотразимо подействовали на нее и она не в силах побороть соблазн.

Пробормотав проклятия в адрес адвоката, мисс Могсон сдалась. Подошла к кровати, приподняла матрас.

— Забирай, черт с тобой! — Она швырнула на стол пачку писем.

— Сверху то, которое тебе нужно.

Мистер Мейхерн развязал бечевку, методически перебрал все письма одно за другим. У него в руках находилась любовная записка Ромейн Хейльгер, и писала она не Воулу.

Отдельные письма Мейхерн читал от начала до конца, иные бегло просматривал. Верхнее письмо он прочитал два раза; на нем стояла дата: день ареста Воула.

— Как эти письма попали к вам!

— Письма еще не все. Узнай, где была эта шлюха в тот вечер. Спроси в кинотеатре на Лайэн-роуд. Там должны ее помнить. Хороша, пропади она пропадом!

— Кому адресованы эти письма!

— Тому, кто оставил мне это. — Мисс Могсон поднесла руку к изуродованной щеке, пальцы ее при этом повторили уже знакомое мистеру Мейхерну движение.

— Его рук дело. Много лет прошло, да я не забыла. Эта иностранка увела его от меня. Однажды я выследила их, и он в отместку плеснул мне в лицо какой-то дрянью. А она смеялась, будь она проклята! Долго же мне пришлось ждать, чтобы расквитаться с ней за все. По пятам за ней ходила. Теперь-то она у меня в руках, за все ответит. Правда, мистер!

— Возможно, ее приговорят к заключению за клятвопреступление.

— Только бы заткнуть ей глотку, мистер. Эй! Куда же вы! А деньги!!

Мистер Мейхерн положил на стол две банкноты по десять фунтов и вышел. Оглянувшись у двери, он увидел склонившуюся над деньгами фигуру мисс Могсон.

Адвокат решил, не теряя времени, отправиться на Лайэн-роуд. Там по фотографии швейцар сразу вспомнил Ромейн Хейльгер. В тот вечер она появилась в кинотеатре после десяти. С ней был мужчина. Его, правда, швейцар не разглядел, но помнит ее очень хорошо. Она еще спрашивала, какой идет фильм. Сеанс кончился в двенадцатом часу; пара сидела до конца.

Мистер Мейхерн чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Показания Ромейн Хейльгер оказались ложью. Ложью от первого до последнего слова. А причиной всему — ее ненависть к Воулу. И чем он ей так досадил! Бедняга совсем упал духом, когда узнал, что говорит о нем та, кого он называл своей женой. Никак не хотел этому верить.

Впрочем, мистеру Мейхерну показалось, что после первых минут растерянности протесты Воула были уже не столь искренними. Несомненно, он все знал. Знал, но не хотел, чтобы узнали другие. Тайна двоих по-прежнему оставалась их тайной.

Узнает ли ее когда-нибудь мистер Мейхерн!

Судебный процесс над Леонардом Воулом, обвиняемым в убийстве Эмили Френч, наделал много шума. Во-первых, обвиняемый был молод, хорош собой; во-вторых, уж в слишком жестоком убийстве подозревали этого привлекательного молодого человека; и, на-

конец, была третья причина столь горячего интереса к предстоящему судебному заседанию — Ромейн Хейльгер, главный свидетель обвинения. Многие газеты поместили ее фотографии, в печати появились также «достоверные» сведения о ее прошлом.

Поначалу все шло, как обычно. Первыми читали свои заключения эксперты.

Затем вызвали Джанет Маккензи, и она слово в слово повторила то, что говорила следовательно. При перекрестном допросе защитник сумел раз или два уличить ее в противоречии показаний. Главный упор он делал на то, что, хотя она и слышала мужской голос, не было никаких доказательств, что голос этот принадлежал Воулу. Ему также удалось убедить присяжных, что в основе свидетельства служанки — не приязнь к обвиняемому, а не факты.

Вызвали главного свидетеля.

— Ваше имя Ромейн Хейльгер!

— Да.

— Вы австрийская подданная!

— Да.

— Последние три года вы жили с обвиняемым как его жена!

На миг Ромейн встретила глазами с Леонардом.

— Да.

Допрос продолжался. Ромейн поведала суду ужасную правду: в ночь убийства обвиняемый ушел из дома, прихватив с собой ломик. Двадцать минут одиннадцатого он вернулся и признался в совершенном убийстве. Рубашку пришлось скрестить, так как рукава были черны от застывшей крови. Угрозами Воул заставил ее молчать.

По мере того как вырисовывался страшный портрет обвиняемого, присяжные, настроенные поначалу доброжелательно, резко переменились. Но было заметно и другое. Отношение к Ромейн тоже изменилось, ибо ей не хватало беспристрастности, злоба сквозила в каждом ее слове.

Грозный и значительный, встал защитник. Он заявил, что все сказанное свидетельницей — злобный вымысел. В роковой вечер ее не было дома, и она, естественно, не может знать, когда вернулся Воул. Он также сообщил присяжным, что Ромейн Хейльгер состоит в любовной связи с другим мужчиной, ради чего и чернит обвиняемого, обрекая его на смерть за преступление, которого он не совершал.

С поразительным хладнокровием Ромейн отвергла все предъявленные ей обвинения.

И тогда при полной тишине в затихшем дыхании зале было прочитано письмо Ромейн Хейльгер:

— «Макс, любимый! Сама судьба отдает его в наши руки. Он арестован! Его обвиняют в убийстве какой-то старухи; его-то, который и мухи не обидит! Ах, наконец пришло время отмщения! Я скажу, что в ту ночь он пришел домой весь в крови и сам признался в содеянном. Его отправят на виселицу, и он узнает, что это я, Ромейн Хейльгер, послала его на смерть. Воула не будет, и тогда — счастье, мой дорогой! После столько лет... Наше счастье, Макс!»

Эксперты готовы были тут же под присягой подтвердить подлинность почерка, но в этом не было необходимости. Ромейн Хейльгер призналась: Леонард Воул говорил правду; лгала она, главный свидетель обвинения.

Воул был допрошен вторично и ни разу не сбился, не запутался во время перекрестного допроса. И хотя не все факты говорили в его пользу, присяжные, почти не совещаясь, вынесли свой приговор: невиновен!

Мистер Мейхерн поспешил поздравить Воула с победой. К нему, однако, было не так-то просто пробраться, и адвокат решил подождать, пока разойдется народ. Судя по тому, как он принялся тереть стекла пенсис, он здорово переволновался. Про себя мистер Мейхерн отметил, что у него, пожалуй, вошло в привычку: чуть что, браться за пенсис. Вот и жена говорит то же самое. Ох уж эти привычки, прелюбопытнейшая вещь!

Да, все-таки чрезвычайно интересный случай. И эта женщина, Ромейн Хейльгер... Как ни старалась казаться спокойной, а сколько страсти обнаружилась здесь в душе!

Едва Мейхерн закрывал глаза, перед ним тотчас воз-



никал образ высокой бледной женщины, охваченной порывом неистовой страсти. Любовь ли... ненависть ли... И это странное движение рук...

И ведь у кого-то наблюдал он точно такое. Но у кого? Совсем недавно...

Мистер Мейхерн вспомнил, и у него перехватило дыхание: мисс Могсон из Степни!

Не может быть! Неужели!!

Сейчас ему хотелось только одного: увидеть Ромейн Хейльгер.

Но встретиться им довелось много позже, а потому место встречи большого значения не имеет.

— Итак, вы догадались, — сказала она. — Как я изменила лицо! Это было не самое трудное; газовый свет мешал разглядеть грим, а остальное... Не забывайте, что я была актрисой.

— Но зачем!..

— Зачем я сделала это! — спросила она, улыбаясь одними губами. — Я должна была спасти его. Свидетельство любящей и безгранично преданной жен-

щины — кто бы ему поверил! Вы сами дали мне это понять. Но я неплохо разбираюсь в людях. Вырвите у меня признание, уличите в чем-то постыдном; пусть я окажусь хуже, недостойнее того, против кого свидетельствуют, и этот человек будет оправдан.

— А как же письма!

— Ненастоящим, или, как вы это называете, подложным было только одно письмо, верхнее. Оно и решило все дело.

— А человек по имени Макс!

— Его нет и никогда не было.

— И все же, мне кажется, мы сумели бы выручить его и без этого спектакля, хотя и превосходно сыгранного.

— Я не могла рисковать. Понимаете, вы ведь думали, что он невиновен.

— Понимаю, миссис Воул. Мы думали, а вы знали, что он невиновен.

— Ничего-то вы не поняли, дорогой мистер Мейхерн. Да, я знала! Знала, что он... ВИНОВЕН!...

# ПРОТИВОСТОЯНИЕ

## Политические диалоги

БУРНЫЕ СОБЫТИЯ В ПРИБАЛТИКЕ, КАЖЕТСЯ, НЕ ОСТАВИЛИ РАВНОДУШНЫМ НИ ОДНОГО ВОЛОГЖАНИНА. С БОЛЬШОЙ, С ГЛУБОКОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ, А ПОРОЙ И С ОТКРОВЕННЫМ НЕПРИЯТИЕМ ВСТРЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛИ ПУБЛИКАЦИИ В НАШЕЙ ГАЗЕТЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОБСТАНОВКЕ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ. СНАЧАЛА СЛОВО ТЕМ ИЗ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, КТО ОТНЕССЯ К ЭТИМ МАТЕРИАЛАМ НЕГАТИВНО.

● А. ЯКОВЛЕВ, ВОЛОГДА

(ПО ПОВОДУ «ВТОРОГО ПИСЬМА» И. ЧЕРНЕЦКА).

Прошу — не надо расходовать бумагу на пустое. Что это! Второе письмо в новом изложении Нины Андреевой! Мы все еще не излечили раны людей, потерявших жизнь в славную эпоху. Наверное, хватит идеологии. Простым, радovým идеология не нужна. Человеку нужна просто человеческая жизнь, без диктатуры идеологии, которой мы сыты.

● А. КОРОЛЕВ, ВОЛОГДА

В газете («КС», № 10) напечатано заявление обкома КП РСФСР о событиях в Литве. В нем сообщается об антиконституционных действиях Верховного Совета Литвы, о деструктивных силах и т. д. и т. п. И ни слова о том, что в Литве пролилась кровь, что военные стреляли в мирное гражданское население. Если литовский народ хочет свободы, надо ее ему дать.

● С. В. БЕЛЯКОВ, ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ

Действия армейских подразделений, «защищающих демократию» пулями, противоречат Конституции СССР и нормам международного права. Армия должна вы-

полнять свой конституционный долг, а не использоваться против населения страны...

● АЛЕКСАНДРОВ, ВОЛОГДА

Я не имею возможности смотреть «600 секунд», поэтому не знаю журналистских способностей и политических взглядов А. Невзорова. Но мне понятно, почему «600 секунд» показано по первой программе ЦТ и напечатано его интервью в «КС». Показ его правды выгоден для имперских сил. Самое печальное то, что Невзоров делит людей в Литве на наших и не наших. Наши хорошие, а не наши — плохие.

Верховному Совету СССР надо честно заявить, что никто и никогда из Союза не выйдет. Никакого права на самоопределение нации не имеют. Суверенитет — такая же чепуха, как устав колхоза, над которым мы потешаемся. Да что говорить, у нас никто никогда серьезно к Конституции не относился.

... Людей с имперским мышлением у нас много, и не их это вина. Нас с детства так воспитывали, и нужно время, чтобы освободиться от него. Я не специалист по межнациональным отношениям, но дело не в них. Лично я хочу жить в окружении свободных, независимых людей и чтоб можно было их уважать.

\*\*\*

ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС ВЫЗЫВАЮТ, КОНЕЧНО, ПИСЬМА ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ НЕПОСРЕДСТВЕННО В «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ» ПРИБАЛТИКИ. НИЖЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ ОДНО ИЗ ТАКИХ ПИСЕМ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА, ЖУРНАЛИСТА АЛЕКСАНДРА СУШИНОВА, КОТОРЫЙ УЖЕ МНОГО ЛЕТ ЖИВЕТ В ЭСТОНИИ.

## Куда идешь, Эстония?

Прибалтика — одна из горячих точек Союза, а Эстония — одна из таких точек, где кипят политические страсти, идут бесконечные митинги и забастовки, где издаются в больших количествах расистские законы, направленные против так называемого русскоязычного населения, которого в республике 600 тысяч человек. Много нас, вологжан, вятичей, псковичей, новгородцев, тверского и другого люда. И это — огромная сила, которая пока сдерживает национал-экстремистов, сепаратистов и даже откровенных фашистов.

Но правительство и Верховный Совет Эстонии все больше и больше скатываются на рельсы буржуазного правления, разрыва с СССР, отрицания Союзного договора. Средства массовой информации, радио и телевидение на эстонском языке преподносят народу ложь, что все население республики желает только

выхода из СССР. Идет ловкая манипуляция общественным мнением. Выдвинут лозунг: «Лучше быть бедным, но свободным».

Депутат республиканского парламента Марье Лаурини прямо заявила недавно следующее: «Чтобы на нас, эстонцев, Запад обратил внимание, надо пустить кровь». Кому, спрашивается! Ну, конечно же, русским. И это заявляет женщина с дипломом доктора наук, депутат Верховного Совета СССР и республики, декан факультета журналистики Тартуского университета.

Таких экстремистов в республиканском парламенте немало. Но позиция республиканского парламента не соответствует истинному желанию народов Эстонии. Они не хотят быть бедными, зная, что при разрыве связей с Союзом народы республики могут оказаться без работы и без средств к существованию.

Сейчас Союз дает Эстонии 97 процентов сырья и материалов, 50 процентов комбикормов, 100 процен-

тов бензина, металла, зерна на продовольственные цели. Выход из союзного рынка приведет Эстонию к экономической катастрофе. Покупать сырье за рубежом! За валюту! Но ее уже нет, так как двухгодичный валютный бюджет республики истрачен на изготовление первой партии собственных денег — крон.

Мне больно смотреть, как грабят Россию, унижают нас, так называемых мигрантов. Приведу еще один факт. Кубометр вологодского и карельского леса идет в Эстонию по цене 37 рублей, хотя за этот кубометр ФРГ и США дали бы нам 100 долларов. Хлопчатобумажная кофта в эстонских магазинах стоит 50 рублей. На 100 долларов человек мог бы купить 25 таких кофт. Спрашивается, кто же в конце концов кого обманывает в течение десятилетий! Россия превращена в дойную корову, которая уже серьезно отошла и еле стоит на ногах.

От многих руководителей союзных предприятий Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ я слышал откровенные слова, что правительство Эстонии уже очень легко рвет экономические связи с Союзом, с давними партнерами. Уповает на помощь из-за рубежа. Но за «бугром», судя по вояжам премьеры Сависаара и председателя Верховного Совета Рюйтеля, не очень-то торопятся открывать кошельки с долларами, марками, франками и иенами. Там знают, что торговать Эстонии просто нечем, что без связей с Союзом «король останется голым».

Теряя экономические связи, уже сейчас многие предприятия республики на грани остановки. Нет сырья. Это значит, что войдет в обиход слово «безработный». И причем очень скоро.

Мой старый друг, депутат Верховного Совета республики Павел Григорьев недавно рассказывал:

— На сессиях предложения русскоязычных депутатов, а нас 26 из 105, отвергаются, игнорируются. Игра идет в одни ворота, а отсюда — скороспелость и непродуктивность многих издаваемых законов, ведущих не к единению, а к конфронтации. Это законы о языке, экономической границе, гражданстве, иммиграции, трудовой армии и т. д.

Политическая и социальная стабильность не может быть достигнута за счет ущемления прав одной группы населения в пользу другой. Русскоязычная община в республике дает в национальный доход Эстонии 42 процента средств от производственной деятельности. А что имеет от этого русскоязычное население! Приведу конкретные факты дискриминации русских в области культуры и образования.

Так, в Таллине на одно расчетное место в эстонских школах приходится 0,87 ученика, в русских — 1,17. Итого: в русских школах учителя несут большую нагрузку, а учащиеся не получают должных знаний. Из 81 специальности в вузах Эстонии высшее образование на русском языке можно получить только по двадцати трем. На тысячу выпускников русскоязычных школ приходится только 48 человек, поступивших в русскоязычные группы вузов республики. Для выпускников эстонских школ этот показатель составляет 208 человек. Русская культура не получает дотаций на издательскую деятельность, на периодическую печать.

И в то же время количество министерств и департаментов, разных комитетов, численность их персонала выходит за рамки разумного. Идет бессмысленная трата народных денег на господ из этих офисов, на многочисленные и бесплодные поездки за рубеж под видом налаживания экономических связей, культурных обменов.

Не знаю, как в Вологде, но ночной визит Б. Н. Ельцина в республику воспринят русскими в Эстонии как предательство, как заигрывание с руководителями прибалтийских республик, как вызов Президенту М. С. Горбачеву. Договор, подписанный Ельциным с главами трех республик, это — мина замедленного действия, яблоко раздора в Прибалтике. Его обещание разместить в России всех беженцев — блеф. Если российское правительство не может решить вопрос с 50-ю тысячами беженцев из разных республик, то что оно будет делать, когда их станут миллионы!

Безответственно заявление Ельцина и о создании своей армии в РСФСР. Это заявление уже сыграло зловещую роль во время призыва молодежи на действительную службу в республике. Молодые парни стремятся в трудовую армию, на так называемую

альтернативную службу, но не в ряды Советской Армии. Более двухсот дезертиров находятся в бегах, скрываясь на хуторах, дачах, в знакомых. В эстонской прессе идет разнузданная антиармейская пропаганда.

Это не нагнетание страстей. Страсти пришли недавно — с резким ростом цен на продукты питания. Цены на все виды продовольствия повысились в три-четыре раза. Обед в рабочей столовой стоит три рубля. Выросли коммунальные, бытовые, почтовые услуги в три раза. Впереди — повышение квартирной платы в несколько раз. Двухкомнатная квартира (плата за месяц) будет стоить 90 — 120 рублей. Как жить пенсионерам, если дотации мизерны, а пенсии правительство Эстонии не торопится повышать! Ответ один: «У нас свои законы, не нравятся — уезжайте в Россию».

В газете, где я подрабатываю к пенсии, мы завели «Голодную хронику». Под этой рубрикой публикуем письма пенсионеров, нищих, что появились на улицах Нарвы, обычно у магазинов. Вот два моих материала из этой «Хроники»:

«На днях встретил своего давнего знакомого по Усть-Нарве пенсионера Степана Медведева. На плече деревянная лопата и метла, угрюм и небрит.

— Как жизнь, Степан! — спрашиваю.

— Тяжело, брат, очень тяжело жить, — отвечал Медведев. — Цены на продукты нас, стариков, задашат.

И пенсионер рассказал мне о раскладе своего двадцатипятирублевого бюджета, т. е. пенсии. На продукты и курево [подорожавшее в четыре раза] остается 60 рублей. Что с ними делать, если килограмм копченой салаки стоит более четырех рублей! (Старая цена — 90 коп.). Мясо и колбаса уже недоступны ветерану. А на что покупать одежду?»

Второй пример. Рассказывает пенсионерка Антонина Федорова:

«Наш доход с внучкой 150 рублей в месяц. Как жить! За прошедшие три месяца со дня повышения цен мясо купила один раз. До конца месяца две недели, а в кошельке осталась всего пятерка. Спасибо русским друзьям, что помогают выжить, а то хоть ложись да помирай».

Делается все, чтобы люди бросали жилье и уезжали. Но куда ехать пенсионерам, больным и немощным, кто их ждет в родных пенатах, кто им даст жилье! Да и куда бежать, если немало русских живут в Эстонии до 40—45 лет, здесь похоронили родных и близких, оставили свое здоровье и силы, лучшие годы жизни!

Вопросы, вопросы, вопросы... Но будем все же надеяться, что все образуется, ведь нельзя же все время жить в нервном напряжении, в неопределенности, в подвешенном, как говорится, состоянии. Лишиться всякой надежды, значит, потерять себя. И утешает пока лишь то, что в трех городах Эстонии — Нарве, Кохтла-Ярве и Силламяэ действуют законы СССР, здесь еще можно как-то дышать русскому человеку.

А. СУШИНОВ,  
член Союза журналистов СССР  
г. Нарва, Эстония.

#### И ЗАКЛЮЧАТ НАШИ СЕГОДНЯШНИЕ ДИАЛОГИ ОПЯТЬ ЖЕ СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ-ОТКЛИКОВ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ПУБЛИКАЦИИ «КРАСНОГО СЕВЕРА» ● ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА (С РАЗРЕШЕНИЯ АДРЕСАТА)

Время у нас тяжелое. Цены растут и все очень изменилось. Продукты по качеству прежние, а цены... По талонам на полгода — две электролампочки, на три месяца на человека по пять коробков спичек. А вот рис или манка на год один килограмм и на выбор.

Очень боюсь, как будет с квартплатой. Отопление и газ будут в четыре раза дороже, вода в несколько раз и квартплата тоже, телефон — в два раза.

Наше новое правительство о народе не думает, и эстонцы молчат, им главное бы — свое, национальное. Мы, русские, хотим, чтоб вместе с Союзом, но не знаем, чего и ждать. Безработных у нас много и все русские, «мигранты», как нас теперь называют.

Сплю плохо, заснуть не могу до трех часов ночи, все думы на нервы дают...

#### ● А. СМЕРНОВА, ВОЛОГДА

Прочитав в «Красном Севере» статью беспартийного инженера И. Т. Чернецка «Второе письмо», во всем основном разделяю ее мысли.

#### ● ДУРАКОВА, ВОЛОГДА

Читала «Второе письмо» и плакала. Подписываюсь под каждым словом И. Т. Чернецка. Я некавалифицированная рабочая, но тоже, как и она, за свою жизнь все видела и всего натерпелась.

#### ● Ю. А. МАЛОЗЕМОВ, КОНТРОЛЕР ВРЗ им. КАЛИНИНА

В начале пятидесятых годов я служил на Балтийском флоте. Знаю эстонцев, литовцев, латышей. Немало встречал среди них хороших людей. Но встречал и пренебрежение к русским. Это меня всегда очень удивляло. Вроде мы ничего у них не отнимали, а наоборот, помогали строить разрушенное войной хозяйство. Постепенно в этих республиках заселялись и русские, и украинцы, белорусы, поляки, люди других национальностей. А сколько семей породнилось — не счесть. У моей жены живут сестры в г. Силламяэ, их дети вышли замуж за эстонцев или женились на эстонках.

Ведь государство у нас одно и сила его — в единстве. Так разве можно считать разумным шагом Литовского Верховного Совета решение отделиться в самостоятельное государство!

Ландсбергис и его единомышленники идут буквально напролом. Последние события говорят сами за себя. Нечего валить все на центр, на армию, а тем более на коммунистов. Ведь на нагнетание обстановки идут в первую очередь сторонники Ландсбергиса. И нельзя дать в обиду русскоязычное население Литвы. Спасибо десантникам, спасибо армии и гарнизону за то, что они в какой-то степени сдержали натиск «правителей» Литвы.

Читая письмо Чернецка, я убеждаюсь: каждое его слово бьет в самую точку. Я среди тех, кто разделяет его тревогу. Я против расчленения Союза, против реставрации капитализма.

#### ● А. А. МОРЩИНИН, ВОЛОГДА

За Прибалтику погибло более полутора миллиона советских воинов, освобождала ее, а многие погибли от рук бандитов, так называемых «лесных братьев». Сейчас бывшие власовцы, бандеровцы и выродки всех мастей подняли головы...

#### ● БУЛАТОВ, ВОЛОГДА

Наша семья счастлива, что нашелся человек, который на весь Союз и мир высказал то, о чем мы думали. Этот человек — Александр Невзоров. Он сказал, кто есть кто и кто чего стоит. Я служил в Литве с начала 1945 года и своими глазами видел, как «лесные братья» терроризировали своих же литовцев-хуторян и держали их в страхе вплоть до 1950 года. И хотя время было трудное, послевоенное, но скажу, что рядовой, простой народ Литвы к нам, русским, относился весьма дружелюбно. Да и позднее жили дружно. И непонятно, какой провокацией «демократы» толкнули литовцев на путь ярого национализма! Не могу понять также, как депутаты Ленсовета приняли обращение в защиту действий парламента Ландсбергиса вместо того, чтобы подобное обращение принять в защиту поправленных прав русскоязычного населения. Или «демократам» наплевать на Родину, а главное — ублажить свои амбиции!

#### ● ЕГОРОВ, ВОЛОГДА

На 23 ГПЗ состоялся митинг, организованный по инициативе депутатов горсовета, на котором принята резолюция с осуждением событий в Литве. А попросили бы митингующие, будучи инвалидами Отечественной войны, пожить в Литве без пенсии, без куса хлеба и своего угла!

А уж что касается политики Ельцина, то упаси Господи от такой политики любую страну! Вот и в Литве его выступление — и нашим, и вашим. Настоящий лидер должен спланировать народы, а не разобщать их. Сегодня уже каждому здравомыслящему человеку ясно, что не митинги нас спасут, а труд, организованность и сплоченность. Хватит нам слов, нужны дела. Ведь не для митингов же мы депутатов избирали!

#### ● Э. И. ЕЛСУКОВ, ВОЛОГДА

Все истинно русские люди и члены КПСС возмуще-

ны поведением Б. Ельцина, который проводит линию на противостояние с руководством страны, способствует расколу нашего государства. Еще многие не поняли, какие политические силы стоят за его спиной. Мы не верим Ельцину.

#### ● А. Н. МАЛЫШЕВ, ВОЛОГДА

Обвиняют Советскую Армию в противоконституционном акте — применении оружия. Спрашивается, а кто же виноват? Кто спровоцировал на это? Я лично считаю, что основным виновником применения оружия является литовский парламент во главе с Ландсбергисом. Именно они поставили в невыносимые условия как русскоязычное население, так и армию. Вот эти основные виновники и должны держать ответ. Я осуждаю некоторых демократов России, которые сегодня заявляют о своей солидарности с литовским правительством, поддерживают неофашистские силы и требуют наказания... военнотружеников. Такие люди, впряженные в одну упряжку с литовскими руководителями, могут пойти на что угодно и спровоцировать что угодно.

#### ● Н. П. ФИЛИППОВ, БЕЛОЗЕРСКИЙ РАЙОН

Я простой человек, почтальон, мне 52 года. Я не верю «демократам». Не из газет, а от живых очевидцев знаю правду. Летом были у нас в деревнях отпусники из Латвии и Литвы. Человек, с которым мы вместе росли, сейчас работает бригадиром строителей, а женщина — детским врачом в Литве. У нее две девочки. Старшая хорошо говорит по-литовски, ей проще. А младшей девять лет, у нее плохие способности к языку, так ее били камнями и палками, не давали проходить.

Так ли мы относились к литовцам, которые жили в лесопункте рядом с нами еще в 50-е годы? Поселили их, 13 человек, в двух домах, в том числе и в нашем, жили они три месяца. Был с ними священник, который ни слова не знал по-русски, но ведь никто ни разу его не обидел!

Мне наплевать на политику. Я люблю честность и правдивость и сам всю жизнь говорил одну правду. А теперь, после литовских событий, ни в коем случае лжецам-демократам верить не буду. Хочу им посоветовать: поездите по деревням, порасспросите людей, у которых родственники в Прибалтике, и многое станет ясно.

\*\*\*

ТАКОВ ДОВОЛЬНО ШИРОКИЙ СПЕКТР МНЕНИЙ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ О ПОЛОЖЕНИИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ. МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО НЕПРЕДУБЕЖДЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ САМ СДЕЛАЕТ СВОИ ВЫВОДЫ, САМ РАЗБЕРЕТСЯ, ГДЕ ПРАВДА.



# Информация из... будущего

Может ли человек заглянуть в свое будущее? Скажем, узнать, какие болезни ему на роду написаны? Раньше это делалось просто: позолоти руку цыганке — и она тебе всю жизнь наперед расскажет. Но гадание — занятие хотя и увлекательное, но в качестве источника информации весьма и весьма сомнительное. Вот если бы под предсказания подвести научную базу ... Фантастика?

— Вовсе нет, — считает доктор медицинских наук, профессор Н. Цирельников. — Наша лаборатория фето-плацентарной патологии, которой я руковожу, как раз и занимается научными предсказаниями.

Лаборатория с таким названием в стране единственная. Создана она в Институте клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АМН СССР. «Фето» в переводе с латыни означает плод, плацента же — уникальный орган, связующее звено между матерью и формирующимся в ее утробе ребенком.

— Вот этот орган и заменяет нам гадальные карты, кофейную гущу, астрологические календари, — продолжает Николай Иванович. — Если как следует над ним покопаться, то можно проникнуть во многие тайны человеческого здоровья. Ведь плацента — единственный свидетель всей внутриутробной жизни плода, его верный ангел-хранитель. Через несколько минут после рождения ребенка появляется на свет и она. Для нас это паспорт и прошлой, и будущей жизни человека. В нем-то и «проштемпелеваны» все болезни, которыми ребенок переболел до рождения и которые ему еще предстоит перенести.

Каким же образом ученым удастся считывать информацию? Чтобы разобраться в этом, надо понять, что представляет собой плацента — во многом загадочный, еще очень плохо изученный орган.

С чем-либо сравнивать его можно бесконечно — и с фабрикой-кухней, и с заботливой нянечкой, и с транспортно-артерией. Как помидор на гидроспонной грядке, плацента тысячами «корешков» окунается в материнскую кровь и качает оттуда питательные вещества. Но попадают эти лакомства будущему младенцу не сразу: прежде плацента готовит из них разнообразные коктейли, смеси. Причем делается все это по жесткой рецептуре — столько-то витаминов, аминокислот, микроэлементов.

— Плод как бы заказывает меню по своему вкусу, — рассказывает Н. Цирельников, — а плацента как услужливый официант спешит упредить любое желание клиента. Между ними постоянно идет оживленный диалог. К примеру, плод сигнализирует — «Мне не хватает того-то и того-то!» Плацента фиксирует эту информацию и торопится исполнить приказ. Если это не в ее силах — быть беде. Ведь она не только кормит созревающего в материнской утробе младенца, но и снабжает его организм «строительным» материалом. Скажем, железо идет на формирование кровотоковой системы, фосфор и кальций — на развитие костной, аминокислота оксипролин необходима для соединительных тканей. Случится сбой хотя в одной из таких цепочек, и ребенок появится на свет больным. Правда, это не всегда удается обнаружить в первые дни и даже в первые годы жизни человека — недуг, затаившись, медленно, но верно делает свое черное дело. И, бывае, разглядяв его поздно, когда медицина помочь уже не может...

— Тут-то и приходит на выручку плацента, — говорит Николай Иванович. — Дело в том, что организм матери не способен самостоятельно защитить плод ни от вредных внутренних, ни от внешних воздействий. Скажем, нездоровая роженица — и ее болезни, как правило, передаются ребенку. Работает на загасованном предприятии, живет в экологически неблагоприятной среде — и опять же страдает от этого в первую очередь ее будущий малыш.

Ученые поставили такой опыт: отравили беременную самку крысы небольшой дозой тетрахлорметана. Этот органический растворитель используется на многих химических предприятиях страны. Так вот — через сутки яд из крови животного полностью «выверился», а у родившихся крысят произошли необратимые изменения в функциях печени, и большинство из них погибло.

Механизм развития патологии здесь прост: отравленная материнская кровь поставляет некачественный продукт плаценте, а та в состоянии шока нарушает заданную рецептуру и готовит некондиционные питательные смеси. В итоге плод не получает веществ, необходимых для его нормального развития. И все эти процессы жестко фиксируются в «памяти» плаценты. Как только она попадает в руки ученых, тут же проводится ее анализ — структурно-биохимический, стереометрический, радиоиммунный. Если выясняется, что плацента, к примеру, плохо снабжала плод кислородом — значит, в крови человека не будет хватать гемоглобина. Если блокировала подачу аминокислоты киролин — будут нарушены функции щитовидной железы.

Казалось бы, что толку знать свои будущие болячки — легче-то от этого не станет. Не совсем так. Скажем, анализ плаценты выявил предрасположенность ребенка к сахарному диабету — он сразу же переводится на специальную диету. Из его рациона стараются исключить каши, сладости, их заменяют белковой пищей — мясом, соей. Развитие болезни притормаживают.

— Плацента, как верный телохранитель, первой принимает любой удар, предназначенный плоду, — продолжает ученый. — Постоянно контролируя ее состояние, можно смело составить список противопоказаний для любой конкретной роженицы. Вот только как это сделать! Ведь попадает плацента к нам в руки лишь после родов. Оказывается, выход есть. По анализу материнской крови и околоплодной жидкости можно довольно точно представить изменения в функциях этого органа, его реакцию на внешние и внутренние раздражители. Представляете, какие открываются перспективы! Медики смогут корректировать развитие ребенка еще в утробе матери. Скажем, не хватает в ее организме каких-то веществ, необходимых плоду, — и плацента тут же сигнализирует об этом. Мы принимаем этот сигнал и вводим роженице недостающие компоненты. Обнаружен избыток какого-то продукта, и врачи спешат уменьшить его дозу. То есть в принципе даже больная женщина сможет родить совершенно здорового ребенка.

Конечно, пока это смелые планы. Но чем быстрее они будут реализованы, тем крепче, здоровее будет подрастающее поколение. И откладывать решение этого вопроса на завтра просто недопустимо: сегодня две из трех беременных женщин страдают каким-либо заболеванием. Где гарантия, что у них родятся здоровые дети!

— Ребенок еще в материнской утробе должен стать полноправным пациентом врача, — говорит Николай Иванович. — Это мое глубокое убеждение. К сожалению, не все это понимают — несколько лет назад в одной из детских больниц Новосибирска закрыли чуть ли не единственный в стране кабинет, где как раз и велись наблюдения над плацентой и плодом. В результате наша лаборатория осталась на голодном пайке — без всякого практического материала...

Тем временем за рубежом создаются крупные центры по изучению плаценты. Неужели опять будем раскисать, потом догонять!

[«Не может быть!» Приложение к газете «Побратим»].

### «Ломовые извозчики»?

В известной русской сказке, когда Иван-дурак добирался на базар, то не уступил дорогу купцу с горшками, крикнул: «Половина дороги — моя, половина — твоя!..» Ну и сшиблись они, столкнулись, и разбились у купца горшки.

С детства нам Иванушка симпатичен, отцов он сын, силен задним умом. Впрочем, в этом ничего предосудительного нет: есть все-таки хоть какой-то ум у него...

А вот, скажем, например, современная проблема — «Водитель—пешеход»... Тут, думается, дела обстоят сложнее и хуже. Почему? Давайте немножко подумаем, поразмышляем. Размышление же возьмем из сравнения.

Во всех, как говорят ныне, цивилизованных странах водитель уважает пешехода: затормозит смиренно-деликатно, если последний запыхался и улицу перебегает уже тогда, когда красный свет вспыхнул. Что уж тут делать! Надо уважить человека, пожалуй, неудачника, что должен на своих двоих двигаться по жизни.

И пешеход-то разный бывает — и добрые молодцы, и согбенные старушки, и дети, и дяди «под мухой».

Так вот, в родной Вологде водители пешеходов не просто не уважают, а даже норовят специально пугнуть, обрызгать с ног до головы вонючей уличной жижей. Летит этакий ухарь-самознай, орликом себя чувствует за баранкой, деньгу скоростью зашибает. А уж о таксистах и речи нет...

Что это! «Национальная» черта вологодских шоферов! Тогда где же печально знаменитая в СССР «принципиальность» местных гаишников! Или все это пошло от сивобородых ломовых извозчиков, которые в прошлом веке зычно кричали: «Поберрреги-ись!!!»

Куда же бедному пешеходу беречься, если движение в городе грамотно не продумано, а будущая обезданная дорога вряд ли спасет положение, если жива и процветает у водителей психология ломовых извозчиков.

Н. ДРУЖИНИНСКИЙ.

### Человек в платочке

По совету врача стала смолоду носить головной платок. Стоило мне теперь замешкаться в очереди, получала от своей городской ровесницы тычок под лопатки:

— Шевелись, бабуля!

По командировочным делам впервые пришла в контору одного совхоза. В крохотной диспетчерской полно людей. Один, в жесткой синтетической кожанке, смотрел хозяином.

— Здравствуйте.

— Здравствуй!

— Вы директор!

— Да-а.

— Я к вам.

Директор глянул, определил мою платковую «второсортность» — скорее всего пришла в доярки наниматься — и равнодушно отвернулся. Тоже молча выбираю удобное место. Один из руководящих мужчин то и дело выходил из диспетчерской, вопросительно пог-

лядывая на «доярку». Другой, глянув мельком, занялся журналом отчетности. Диспетчер, взглядами выражая недовольство «дояркиной настырностью», собирала «молоко» и приглашала бригадиров на послепопуденную планерку. Бригадиры, как водится, отнекивались.

Директор каждый раз весомо говорил: «Дай его мне». Брал телефонную трубку и «лесочил» неслуха.

Настоящего дела у директора в диспетчерской не было. Наконец он поднялся с места. Я первой вышла в коридор, жду. Появляется директор и, не обращая внимания на мой лепет, молча идет на второй этаж, в свой кабинет. Садится в кресло.

Привычно устраиваюсь поблизости за длинный совещательный стол, подаю командировку корреспондента.

Лицо директора теперь — сама приветливость, его слова медовы, а цена моим словам заметно выросла...

Н. БАХТИНА.

Дорогие друзья! Подписавшись на «Красный Север», вы станете обладателем библиотечки «КС»

Наш индекс 51080

В киосках «Союзпечати»

библиотечка «КС» —

в ограниченном количестве















Цена номера: по  
подписке — 6 копеек,  
в розницу — 35  
копеек.

библиотечка

# Красный Север



Н. Кузнецов. ● Прозрение.  
Траудль Юнге. ● Последний час.

**Агата Кристи**

## Свидетель обвинения

- Зомби — воскресшие мертвецы?
- Политические диалоги

## Противостояние

- Информация из будущего

Первый  
выпуск